

Максим Лагно

ПАДЕНИЕ ЛЕТАЮЩЕГО ГОРОДА

4

Путь первого

Максим Лагно

**Падение летающего
города 4. Путь первого**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73079618

SelfPub; 2026

Аннотация

На этом этапе Всеобщего Пути Самирана ждут: боль побед и сладость поражений; беспорядочные половые связи и хоровод летающих танцоров; страдание и потери; нечто стеклянное и деревянное.

Он узнает новое не только о себе, но и о Денисе Лаврове, которого помнит всё меньше и меньше. А зря.

Содержание

1. Старшие и первый	5
2. Козырь и дно	20
3. Красные и синие	36
4. Стекланный член и смятение духа	53
5. Остаточное явление и главная героиня	69
6. Магические микросхемы и методы борьбы с депрессией	83
7. Дворец для мужа и судьба для сына	97
8. Сорта демонов и сотни миллиардов игровых позиций	111
9. Демонический обряд и польза игровой зависимости	129
10. Итог и подлог	145
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Максим Лагно

**Падение летающего
города 4. Путь первого**

4. Путь первого

1. Старшие и первый

Когда-то дворец мясного барона показался мне самым богатым зданием, внутри которого я побывал. Залы храмов и других общественных зданий не могли сравниться в великолепии с ним. Богатство дворца рода Патунга показало мне, насколько жалким и безвкусным было жилище Вакаранги Карехи. Мясник – он и есть мясник.

Территории обоих дворцов были обширными, но Патунга не стремились обустроить каждый уголок своих владений какими-либо атрибутами богатства. Ни огромных статуй предков, ни обелисков и пирамид, облепленных золотом. Никаких отражающих поверхностей, скользкого пола из небесного стекла и никакой прочей сверкающей мишуры. Дворец Патунга строг, изящен и серьёзен.

Первые уровни дворца выстроены из гладкого серого камня, на котором, если присмотреться, мерцал мелкий узор из иероглифов.

Чем выше уровень – тем светлее камень. Верхние этажи вообще отлиты из полупрозрачного голубого небесного стекла. Кое-где солнечные лучи даже проходили сквозь стекло, преломляясь на пучки света.

Я ещё слабо понимал, как дивианцы возводили такие фантастические здания. Знал лишь, что само по себе небесное

стекло не было каким-то сверх дорогим материалом. Ценным его делала последующая обработка. Особенно когда стекло готовили для доспехов. Если верить скрижалям, пластины стеклянной брони обрабатывали минимум четверть поколения. Иногда и больше. Не знаю, давало это какой-то эффект или было маркетинговым хвастовством, типа как столетний вискарь.

Нижние уровни дворца утопали в зелени, а верхние – стеклянные – поднимались над кронами ярко-зелёных деревьев. Дворец напоминал воина в доспехах из небесного стекла, устроившего засаду в кустах.

Приёмный зал начинался сразу за входной аркой. Ни дверей, ни преграды из «Стены Воздуха», ни узорчатых ворот не было. От улицы зал отделялся таким же небольшим лабиринтом, как вход в комнату для благоволений.

Приёмный зал оформлен чуть веселее, чем экстерьер дворца.

Статуи предков расставлены в альковах в несколько рядов друг над другом. Заполнены только три нижних ряда, верхние пустовали, ожидая статуи новых героев. Ажурные перегородки из золота разделяли пространство огромного зала на обособленные комнатки. Вдоль стен можно увидеть популярные у военных изваяния творений грязи: гракки, вьеввы, марри и прочие.

Маджа быстро шагала к центру зала, где возвышался ступенчатый круглый подиум с тремя золотыми лектусами. Я

спешил за ней.

На центральном полулежал худенький старичок в белом халате с треугольным вырезом на впалой груди. На лектусе слева сидел огромный, поросший седым волосом старец. Он одет в одну лишь набедренную повязку. Старец был весьма мускулист и морщинист. На его лысой голове торчал пучок белых волос, перехваченных ожерельем из синих камней. На правом лектусе – восседала широкоплечая, богатырского вида женщина, лет шестидесяти, облачённая во что-то вроде бутафорских доспехов из твёрдой ткани, расшитой золотом. Лицом женщина похожа на постаревшую Маджу.

Вокруг подиума традиционными полукольцами расположилось на матрасах, коврах и подстилках несколько десятков людей. При моём появлении некоторые спешно надели маски.

Почти половина присутствующих – мускулистые качки разных возрастов. Многие в доспехах с иероглифами рода Патунга. Я узнал некоторых воинов, участвовавших в поисках правды.

Часть гостей были представителями союзных родов и вассальных семей. Согласно этикету вассалы не носили опознавательных знаков своих родов во дворце сюзерена, это позволялось только сильным союзникам.

Маджа оставила меня и прошла в среднее Кольцо и села на квадратный матрас, обложенный подушками.

Я же поднял руки и показал старшим подаренные ими

Браслеты Духа. После чего занял место на тощей подстилке в последнем Кольце.

Где-то Денис Лавров читал, что ритуалы – это что-то вроде социальной памяти народа или этноса. Высокоморальные дивианцы неукоснительно соблюдали ритуалы и правила этикета.

В своё время мама Самирана обучила меня базовым светским ритуалам.

И я ей благодарен, что в отличие от того же Хаки, знал, как надобно входить в помещение к старшим славных родов, как приветствовать их, как приветствовать других, как садиться, и в каком Кольце гостей нужно занимать место, если тебе не указали этого места заранее.

Хотя дивианцам известны столы, скамейки и лежаки, вроде римских лектусов, но в больших собраниях, особенно в приёмных залах родовых дворцов, предпочитали сидеть на специальных подстилках, толщина которых и количество подушек на них, оказывается, зависели от Кольца. На лектусах или на подиумах, устеленных коврами, сидели и полулежали только самые старшие.

Мама Самирана научила меня правильно садиться и сидеть. Складывать ноги и руки так, чтобы не оскорбить их положением окружающих. Кстати, в этом отношении папа Самирана, вёл себя без всякого уважения ко мне и маме – во

время ужина падал на подстилку, сверкая гениталиями.

Одежда для визита, тоже несла много невербальной информации, но этой темы мама Самирана не раскрыла, заявив: «Навряд ли ты, грязный демон, когда-нибудь попадёшь в такое собрание, где оценивают каждую складку халата».

Видишь, мамуля, попал!

Впрочем, встреча, на которую меня пригласили старшие рода Патунга, не светское мероприятие. А именно что деловая встреча. Так что мне можно явиться на неё в той одежде, в какой меня застал челядинец, передавший шкатулку с приглашением. Наоборот, поспешность, с которой я принял приглашение, показатель моего почтения к старшим.

Сейчас троица старших Патунга оценивала мои манеры. Пожилой качок и богатырская женщина кивнули, признавая мою воспитанность, а хилый дедуля на центральном лектусе снисходительно ухмыльнулся.

– Вот я и повторяю, – слабеньким и писклявым голосом сказал дедуля, – наша поспешность в поиске новых союзников только вредна. Мы слишком хотим превзойти Кохуру.

– Разве это плохо? – зычно спросила старуха-богатырь. – Разве мы не должны обойти всех на Всеобщем Пути?

– Должны-то должны, – сварливо согласился дедуля. – Но когда с нами по Пути тащится орава лишних людей, то нам самим не останется места.

– Ты прав в том, что пространство для нестеснённых действий необходимо на Всеобщем Пути, – негромко сказал ста-

рик-качок. – Но не прав в том, что считаешь наших попутчиков лишними.

– Не всех, не всех попутчиков, братец, – закивал хилый дедуля. – А только тех, кто не отстаёт от нас. Ибо зачем тащить бесславных слабаков на своём горбу?

– Мы отклонились от начального направления нашего спора, – рассудительно сказала женщина-богатырь. – Почему ты считаешь, что сейчас ещё не время, чтобы сделать рывок и обойти Кохуру?

Хилый дедуля вытянул дрожащий палец:

– Может случиться так, что Кохуру специально уступают нам дорогу на Всеобщем Пути.

– Для чего? – спросила женщина-богатырь.

– А для того, сестрица, чтобы мы радостной гурьбою забежали в ловушку. И когда мы, как тупые гракки, свалимся в неё, они пройдут по нашим спинам дальше.

Вероятно, это заявление подвело черту под разговором, так как все сидевшие в близком Кольце зашевелились и заговорили:

– Это вполне в духе подлецов Кохуру.

– Не, не верю. Мы не побежим в ловушку!

– Вот именно, мы же её перепрыгнем.

– Или сбросим в ловушку самих Кохуру. Да по их спинам потопчемся.

– Ага, потопчемся, – ухмыльнулся кто-то. – Просто напоминаю тем, у кого молчит Внутренний Голос: у Кохуру во-

семь воинств, а у нас пять. Это кто ещё на ком потопчется.
– Да ладно, братья и сестры, какая ещё ловушка на Всеобщем Пути? Кохуру подлецы, а не хитрецы.

Троица старших внимательно слушала прения сторон.
Как бы смешно этот обмен мнениями не звучал, но дивинанцы часто беседовали с помощью иносказаний, особенно на больших собраниях. Говорить прямо и без метафор – удел близкого и доверенного круга общения.

Наговорившись, все замолчали.
Главный дедуля вперил в меня отчего-то злой взгляд:
– А вот послушаем мальчика из рода Саран, и подумаем дальше.

Если до этого на меня никто не смотрел, то сейчас многие повернулись в мою сторону.

Я неловко поклонился. Уроки мамы Самирана оборвались на базовом этикете. Как действовать дальше я не знал. И тем более не знал, чего от меня хотели услышать.

Хилый дедуля приказал мне встать и пересесть в первое Кольцо. Это было временной честью, только для удобства, ведь было бы глупо перекрикиваться на весь зал.

В первом Кольце сидел лишь один человек, одетый в настолько широкий и свободный халат, что больше напоминал автомобильный чехол. Голова его тоже накрыта покрывалом с вырезом для лица. Но вместо лица в прорези блестела мас-

ка из чёрного металла. Сидел он неподвижно, и только из-под маски слышно дыхание, доказывающее, что он живой, а не статуя.

На ткани халата и головного покрывала нашиты серебряные иероглифы сословия Помогающих Создателям. Именно по ним я догадался, что этот человек – прорицатель.

Такие придворные прорицатели, владевшие ярким «Чтением Путей» и «Пророческим Сном», были у многих старших славных родов. Они неотлучно присутствовали при самом старшем даже наедине. Молчаливо следуя за ними по пятам, вбирали все детали их жизни, все разговоры, все секреты их рода, чтобы ночью поспать и увидеть парочку пророческих моментов и растолковать их хозяину.

Я до сих пор не уверен, есть ли от прорицателей какая-то польза. Ведь если они предсказывали какую-то неприятность, а хозяева предпринимали шаги, чтобы этой неприятности избежать, то как доказать, что пророчество было правильным?

К тому же прорицатели казались мне уязвимостью. Враждебный род мог похитить его или перекупить, выпытав таким образом все секреты.

Хилый дедуля сказал:

– Меня зовут Котахи Патунга, самый старший рода Патунга, член Совета Правителей.

Женщина-богатырь тоже представилась:

– Зана-Шаэта Патунга, третья старшая рода Патунга,

уполномоченная помощница Котахи Патунга.

Морщинистый и мускулистый старик с третьего лектуса не представился, просто смотрел на меня из под набухших от морщин век. Казалось даже, что это не морщины вовсе, а прокаченные мышцы на глазах.

– Ты привлёк наше внимание, Самиран из рода Саран, – начал Котахи Патунга. – Под мудрым руководством дочери нашего рода ты совершил выдающиеся подвиги на Всеобщем Пути.

– К тому же ты уничтожил самый дорогой акраб, принадлежавший роду Кохуру, – похвалила Зана-Шаэта. – Смелый поступок. Узнаю безрассудное руководство нашей славной красавицы Маджи.

Вообще-то я совершил все подвиги сам по себе, без руководства Маджи, но раз уж им охота считать, что мною управляла Маджа, то пускай верят. Как верят, что Маджа – красавица.

Я склонил голову:

– Служить под началом светлой госпожи Патунга беспредельная радость для меня.

Среди гостей раздалось несколько смешков. Видать, многие знали, что начальство Маджи надо мной было минимальным.

– Да, да, радость, – быстро сказал Котахи. – Поэтому мы хотели бы отметить твоё служение такими почестями, какие заслуживает всякий молодой воин на пути к свету и славе.

– Особенно когда сей молодой воин поклялся служить нашему роду, – добавила Зана-Шаэта Патунга.

Я снова склонил голову. Но я клялся служить отряду, а не роду. Видимо, третья старшая этого не знала.

– Ты уже стал вторым старшим в отряде Маджи, – продолжил Котахи. – Ты достиг предельной высоты роста в отряде...

– Но мы узнали, – прервала его Зана-Шаэта Патунга, – что вторым старшим тебя назначила не Маджа, а Илиин Раттар?

– Да, светлая госпожа.

– Вот об этом человеке мы и хотели бы услышать от тебя, – сказал Котахи Патунга.

Я изобразил на лице вежливое недоумение:

– Что я могу сказать о нём такого, чего не знали бы вы?

Ответила Зана-Шаэта, причём раздражённым тоном:

– По мнению Илиина ты великолепно проявил себя во время поисков правды. Он посоветовал нам дать тебе свой отряд. Якобы это пойдёт во славу нашего рода.

Я уважительно пожал плечами, мол, ну, посоветовал, спасибо ему. Ваше дело – давать мне отряд или нет. Лично я таким желанием не горел. Насмотрелся уже, как хлопотно было Мадже следить за нами: покупать снаряжение, назначать всем жалование и награды, следить за воинскими знаками, следить за дисциплиной и прочим.

– Видишь ли, парень, – впервые сказал морщинистый дедкачок, – по нашим сведениям Илиин Раттар тайно служит

роду Кохуру. Поэтому они проголосовали за его назначение самым старшим воинства, отправленного на поиски правды.

– Они подозрительно предпочли его, а не небесного воина из своего рода, – вставила Зана-Шаэта.

– А род Кохуру, как ты наверняка знаешь, стоит на нашем Пути к славе. Вот мы и в затруднении...

Все трое внимательно уставились на меня.

– Ничего не понимаю, – честно признался я и... тут же всё понял.

Если Илиин служил Кохуру, то его совет дать мне отряд выглядел подозрительным. Что если я тоже служил Кохуру? Получив отряд в воинстве Патунга, я как бы внедрюсь в их род. Они боялись, что я, как говорил отец Дениса Лаврова, – «засланный казачок».

– Илиин Раттар успешно руководил воинством в поисках правды, – ответил я. – Не знаю, насколько вы можете доверять ему. Но уверен, что Илиин служит во славу Дивии, в этом нет сомнений.

– Все мы служим во славу, юноша, – сварливо ответил Котахи Патунга. – Ты нам скажи, как сильно связаны Пути Илиина и рода Кохуру?

До этого мой Внутренний Голос молчал, подавленный великим Моральным Правом старших рода Патунга. Но тут вдруг прорезался: «Что ты хочешь вспомнить?» Это означало, что они убрали давление своего Морального Права.

«Напомни, что говорил Илиин о своих отношениях с Ко-

хуру?»

«Уточни – когда?»

«В едальне, куда меня насильно привели воры граней».

«Илиин сказал человеку с рыжей бородой следующие слова: *«Уважаемый, хотя я связал свой жизненный Путь клятвой верности вашему роду, но я всё ещё славный небесный стражник. Моё предназначение – выше родовой клятвы»*.

О том, что Илиин якобы порвал с Кохуру, помнил без подсказки.

Я сказал:

– Некоторое время назад Илиин связал себя клятвой с родом Кохуру. Но эта клятва не заставила его изменить предназначению. Теперь он больше не подчинён Кохуру.

– Это точно?

– Я передал то, что напомним Внутренний Голос. Если не верите, допросите меня «Правдивой Беседой».

– Ты сам предложил, юноша, – ослабился Котахи. – Принесите мне кристалл...

Но тут вмешалась Маджа:

– Прошу простить меня, самый старший, но как мы можем требовать от наших подчинённых правду, когда сами им не доверяем? Мы – воины, мы верим словам других воинов. Даже если они будут из бесславного рода Кохуру.

– Ладно, ладно, – недовольно махнул сморщенной ладошкой Котахи, отгоняя челядинца со шкатулками кристаллов. – Будем верить юноше на слово. Итак, признаем, что Илиин верен своему предназначению, а не клятве роду Кохуру?

– Признаем, – согласились остальные старшие.

– Тогда, Самиран из рода Саран, мы согласны с советом Илиина. Предлагаем тебе собрать свой отряд, численностью не ниже малого, дабы стать его старшим.

Я не совсем понимал, зачем мне это надо. Но догадывался, что отказываться – опасно. Всё-таки Патунга – одни из сильных мира сего. Наоборот, нужно держаться к ним поближе.

Правда, я ещё не знал, что хотят предложить мне Кохуру...

Зана-Шаэта Патунга добавила:

– Первенство в отряде открывает тебе Путь на вступление в сословие Защищающих Путь. Как я вижу, твоё Моральное Право достигло необходимой толщины. С нашим покровительством тебя примут быстро.

А вот это уже заманчиво. Сословные привилегии открывали многое в этом городе. По крайней мере, мне так казалось.

Приняв моё размышление за согласие, Котахи Патунга продолжил:

– Наш род возьмёт на себя снабжение и обеспечение тво-

его отряда. А так же выплату вступительного сбора в сословие. Но ты не принадлежишь роду Патунга, значит, останешься в подчинении Маджи. И будет это до тех пор, пока твои обстоятельства не изменятся, и ты не совершишь подвиги, достойные имени Патунга.

– Мы – намного славнее Саран, – поддакнула Зана-Шаэта.

Я согласился с этим утверждением. Но не согласился с тем, что мне нужно совершать дополнительные подвиги ради того, чтобы стать Патунга. Я уже совершил больше подвигов, чем Маджа и Вишал вместе взятые. Но они всё равно имели преимущество, как прямые потомки своих родов.

К тому же я вообще не изъявлял желания принимать их имя. Да и Самиран Патунга звучало бесцветно, будто имя какого-то африканского диктатора.

Как бы угадав ход моих мыслей, Зана-Шаэта сказала:

– Оставь сомнения, малец. Присоединиться к славной поступи рода Патунга на Всеобщем Пути, намного почётнее, чем тащиться по обочине вместе с родом Саран, который, как нам известно, давно отвернулся от тебя, да так и не повернулся обратно.

Тут она права, не поспорить.

Многословно я поблагодарил старших за оказанную честь. Изображая на лице невероятную радость, я пообещал, что буду служить роду Патунга так же, как во славу Дивии.

Завершил аудиенцию мускулисто-морщинистый старик, чьего имени я так и не узнал:

– Время вышло, и ты уходи. Все законы и особенности создания отряда узнаешь от Маджи.

После этих слов мой знак воинской принадлежности тихо заскрежетал.

Я и Маджа вышли из зала. Я тут же достал знак.

В разделе с описаниями моего места в иерархии иероглиф «ВТОРОЙ» сменился на «ПЕРВЫЙ», теперь моё звание выглядело так:

САМИРАН САРАН.

ПЕРВЫЙ СВОЕГО ОТРЯДА.

Я и Маджа направились к месту для приземления акрабов.

2. Козырь и дно

В военной истории Дивии редко упоминались молодые воины из незначительных родов, которые получили предложение собрать свой отряд для службы славному роду. Тем более не бывало такого, чтобы этим счастливым стал выходец из целительского рода. Или бывало, но я об этом не знал.

Почести, оказанные мне старшими Патунга – достижение в жизни.

Но я не был настоящим молодым дивианцем, который восторженно принимает знаки внимания от старших. Я частично был Денисом Лавровым, плешивым учителем истории, выросшем в мире хронической лжи. Я не позволил радости моего возвышения в воинской иерархии затмить понимание, что Патунга заинтересованы во мне не меньше, чем я в них.

Сколько бы воинское сословие не храбрилось, сколько бы ни строило из себя Защищающих Путь, но их разъедала та же беда, что и целителей: воинов много, а воевать – не с кем. В другие времена военные рода воевали бы друг с другом, но мирный курс Гуро Каалмана прикрыл эту лазейку.

Поиски правды стали самой значительной военной операцией этого времени. Все воины стремились проявить себя в

деле. Все хотели совершать подвиги, но не всем выпала такая удача, как отряду Маджи Патунга.

Я ещё не знал, как вычислялась славность какого-либо рода относительно других родов, но понимал, что я – ценный актив. Патунга были бы дураками, если бы не приласкали меня и не осыпали почестями.

Кроме вечно сомневающегося Дениса из рода Лавровых во мне жил и радующийся Самиран из рода Саран. Я ещё не закончил обучение в Доме Опыта, а уже стал первым в отряде. Практически суперзвезда, пусть только для воинов. Я даже вспомнил вдруг Сану Нугвари: как теперь ты будешь смотреть на меня, заносчивая красотка? Покажешь сиськи бесплатно?

Я был так рад предложению старших Патунга, что подумал – а не рассказать ли им, что Кохуру промышляли грязным колдовством? И не просто ради получения каких-то там граней умерших, а для более страшной вещи – обманным способом повышали своё Моральное Право.

Но решил – обойдутся.

Патунга и без того заполучили в свои ряды многообещающего молодого воина, который совершил больше подвигов во славу Дивии, чем Маджа. Им достаточно моей лояльности, а козырь пусть останется у меня. Кроме того, если расскажу о Кохуру, то придётся упомянуть о себе... А там и до обвинения в демонизме недалеко.

Прежде чем оперировать этим компроматом, надо прове-

сти обряд определения моей демонической сущности.

– Ты будто не сильно рад? – сухо спросила Маджа, когда мы подошли к месту для приземления акрабов.

– Я ликую.

– По тебе это не заметно.

– А по тебе не заметно, рада ты моему возвышению или нет?

– Конечно, рада.

– Но?

– Не смей переманивать к себе моих бойцов.

Воинам, служащих одному роду, не возбранялось переходить между отрядами внутри родового войска. Это не было предательством, хотя и порождало трения между старшими и покинувшими отряд бойцами.

– Маджа, я никого не буду переманивать, но и не буду противиться, когда Реоа станет целительницей моего отряда.

Маджа криво усмехнулась:

– А она обязательно прибежит к тебе. Девочка волочится за тобой, как плохо намотанная озарённая ткань.

– Насчёт остальных тоже не могу обещать. Но уверяю, что Хаки я точно оставляю тебе. Он слишком умён для меня.

– Ладно, – нехотя согласилась Маджа. – Позже обсудим. Летим в казарму, я покажу тебе, как организовать жильё для малого отряда.

– Спасибо.

– Так же передам в управление старый акраб. Так что ищи водителя в первую очередь. Но не трогай Ио Вареку! Иначе я тебя пришибу, честное слово.

– Уяснил.

– Потом я передам тебе казну, для покупок снаряжения и выдачи жалования...

– Обязательно, но это всё потом.

– Ты всё-таки хочешь отправиться к Кохуру? – недовольно спросила она. – После всего, что ты получил от моих старших?

Я похлопал по висевшей на поясе мочи-ке Батая.

– Их дар я тоже принял. Отказывать нельзя.

– Вообще-то можно. Не явившись на встречу, ты намекаешь Кохуру, что ты считаешь их подарок данью.

– Как бы заманчиво это не звучало, но я всё-таки схожу к ним в гости.

– Ты даже не знаешь, где расположен их дворец, – ухмыльнулась Маджа.

– Учитывая соперничество ваших родов, то предполагаю, что в этом же Кольце, но на противоположной стороне.

Я рассчитывал, что акраб доставит меня прямо к воротам владений рода Кохуру, но Маджа приказала водителю опуститься на рынке Третьего Кольца.

– Дальше иди сам, – мстительно сказала она. – Не хватало ещё, чтобы Патунга увидели у ворот Кохуру.

Я не стал разбираться, что в этом плохого и вылез из экипажа.

Подошёл к одному из свободных акрабов и приказал отвезти ко дворцу Кохуру.

Обычно извозчики сразу называли цену, а этот только поклонился и положил руки на панель. Сам акраб выглядел дорогим, не чета тем, что летали в других Кольцах. И одет извозчик богаче меня.

Давно хотел поглядеть на Третье Кольцо. Где-то здесь размещался кабак, в который меня когда-то доставил Раккир. Здесь же находился ещё один рынок для высокоморальных, причём посещать его могли только те, кто имел недвижимость в Третьем Кольце.

Извозчик вёл акраб вдоль дорог на небольшой высоте. Лишь изредка поднимался метров на двадцать, не более. И ни разу не залетел на территории, огороженные заборами, на которых возвышались длинные тонкие шесты с флагами и синими фонарями на вершинах – сигнальные огни для акрабов.

В этом Кольце уважали воздушное пространство родовых владений.

Над общественными зданиями и частными владениями других Колец тоже обозначены бесполётные зоны, но тамошние водители акрабов, особенно грузовых, пренебрега-

ли предупреждениями и сновали над чужими владениями или над Домом Опыта.

Здесь бесполётными были даже пустыри, парки и озёра. Из-за этого ограничения преимущества летающего транспорта свелись к нулю, я практически летел в экипаже на воздушной подушке. Проще было бы добраться до дворца Кохуру на «Крыльях Ветра», если бы знал дорогу.

В Третьем Кольце много парков и озёр правильной овальной формы, на берегах которых раскинулись огромные, замаскированные зеленью дворцы.

Даже пустыри на продажу тут имели вид зелёных лугов, огороженных столбами из резного небесного стекла. Один такой столбик стоил как мой дом в Восьмом Кольце.

Я припомнил, что когда-то в Третьем Кольце стояли дворцы Те-Танга и Саран. Как далеко вражда отбросила их от Сердца Дивии!

Перелёт оказался недолгим. Минут через десять мы остановились напротив огромной арки, выточенной из красного полированного камня. Вершину арки венчала многоступенчатая, немного китайского вида крыша, на ней сиял золотой иероглиф рода Кохуру и надпись:

КРАСНАЯ ТВЕРДЫНЯ

От ворот в обе стороны тянулся высокий глухой забор, выложенный частично из того же красного камня, что и арка,

частично из железных пластин, украшенных узорами.

Расплатившись с возницей, направился к арке.

Стражников не было, и это странно. Вход во дворец можно не охранять, но вход в родовые владения – обязательно. Как и весь периметр.

Я вошёл в арку, она оказалась толстой, словно туннель. Когда я миновал её, за моей спиной раздался звук шагов.

– Дальше ты не пройдёшь, – сказал Вишал Кохуру, выходя из-за столба арки.

Одет качок в короткую чёрную тунику, в правой руке – прямоугольная железная палица, увенчанная игольчатой насадкой из небесного стекла. Такое оружие я видел впервые.

– Меня пригласили твои старшие.

– Вот поэтому я тебя не пропущу.

– Но ларец дружественного дара...

– Ларец затолкаю тебе в глотку!

Фигура Вишала засветилась, исторгая «Ярость Солнца». Ослепительные лучи, несвойственно медленно для света, начали разворачиваться вокруг него.

Я не готов к битве. Одет в обычную тунику и сандалии. В шкатулках на поясе болталось два тусклых кристалла – «Унятие Крови» и «Зрение Тверди». Если бы не Пятисильная Буря, столь неожиданно возвращённая мне старшими Кохуру, то пришлось бы встретить их отпрыска обычным

кинжалом. К сожалению, гнёзда в мочи-ке были пустыми.

Ударив по Вишалу недавно приобретённым «Порывом Ветра», я взлетел на крыльях, одновременно сдёргивая с пояса мочи-ку.

«Порыв Ветра» даже не покачнул монументально огромную фигуру Вишала. Лишь на пару мгновений приглушил свечение.

Циферки снова помогли мне взвесить и рассчитать силы. Я сделал ставку на защиту: окатил себя максимальной «Живой Молнией» – она снизит поражающую силу «Ярости Солнца», но не устранил её полностью.

Лучи света развернулись вокруг Вишала ослепительным цветком и устремились ко мне.

Я вбросил три узора в «Крылья Ветра». Повезло, что ещё со времени последнего боя с похожим на грузина низким у меня установлена скоростная модификация крыльев, а не танцевальная, как обычно.

Взлетел я стремительно. Ветер засвистел в ушах, туника затрепыхала и начала сползать с плеч.

Яростные щупальца света неуклонно нагоняли меня, я глупо поджал ноги, будто надеялся, что они не дотянутся.

Удар «Ярости Солнца» заставил померкнуть свет в моих глазах.

Но я предусмотрел, что не уйду от удара, более того – рассчитал, что атака Вишала изменит мою траекторию, направив меня в одно из тех идеально овальных озёр, что усеивали

владения рода Кохуру.

Как сбитый лебедь, я описал дугу и бултыхнулся в центр озера. Горящая от «Ярости Солнца» кожа моментально охладилась, хотя и продолжала чесаться. Ошмётки ветхой одежды расползлись, а сандалии истлели ещё в воздухе.

Шкатулки были защищёнными и уцелели. Не удержался пояс: он развалился – шкатулки с кристаллами пробкой всплыли на поверхность, а шкатулка с золотом и кинжал ушли на дно. Обидно, этого я не предусмотрел...

Преодолеваю последствия «Ярости Солнца», я отчаянно шарил рукой по дну, отыскивая за что бы уцепиться и не всплыть. Но дно было чистым, мягким. Меня тянуло на поверхность – я догадался вонзить мочи-ку в илистое дно.

Зацепившись, словно якорем, я выпустил из лёгких остатки воздуха и применил «Дыхание Воды».

Теперь, на дне озера, можно перевести дух.

Первым делом отметил, как быстро восстановилась Линия Духа – у меня снова все сто тридцать две паутинки! Вот так браслеты. Спасибо, Патунга. Подозреваю, что со временем, когда моя Линия Духа утолщится, восстановление не будет столь быстрым.

Я видел ровное дно, из которого росла трава, из ила время от времени поднимались пузырьки воздуха. Сверху колыхалось жёлтое пятно солнца, а плавающие на поверхности шкатулки отбрасывали длинные тени.

Когда поднятый мною ил осядет, меня будет хорошо вид-

но. Что же делать? Не отсиживаться же на дне?

Прежнего страха перед Вишалом у меня не было. Но я всё ещё верил, что он сильнее меня. Плюс он готовился к битве. У него есть «Телесная Крепость», «Закалка Тела» и бог знает что ещё. Какая-то невиданная палица в придачу. Я же остался в одних трусах на завязочках.

Отступление было бы лучшим решением. Но Вишал не намерен отпускать меня. Парень расстроился, что старшие пригласили меня на встречу да ещё и вернули оружие, которое он отжал у меня в честном поединке.

До меня донёсся далёкий искажённый голос Вишала:

«Ну ты и трус. Думаешь, спрятался?»

Вода в озере вскипела и разошлась в стороны, будто в неё упал огромный прозрачный камень. Меня сорвало с «якоря» и выбросило на берег. Всё это сопровождалось оглушительным грохотом «Взрыва Воздуха». Я бы и не догадался, что так можно было! Но Вишал – потомок славного воинского рода, их с детства учат секретам применения боевых озарений в самых разных ситуациях. Наверняка, я не первый в истории противник, который попытался укрыться на дне моря.

На «Проворстве Молнии» я ускользнул от второго взрыва: он выкорчевал из берега озера ровный круглый котлован – песок и комья земли разлетелись по округе. Я успел юркнуть за прикрытие красного столба.

Передо мной открылся путь к отступлению – можно бежать и лететь хоть домой, хоть до дворца Карехи. Но хорош

же я буду, заявившись к старшим самого славного рода Дивии в одних трусах, перемазанный илом и землёй. А по пятам меня будет преследовать Вишал, обвиняя в трусости и погоняя палицей.

Нет, никуда бежать нельзя. Надо продолжить бой и надеяться, что, победив меня, Вишал успокоится и не станет убивать.

Я ещё раз метнулся на «Проворстве Молнии», избегая завихрённого «Порыва Ветра», которым противник рассчитывал выбить меня из укрытия.

Едва закончив передвижение, я ударил по Вишалу в ответ – сил и времени хватило на мерцающий «Удар Молнии», зато я провёл его дважды. Первую волну Вишал перенёс спокойно, вторая вынудила его усилить «Телесную Крепость», что, по идее, должно, отнять у него ресурсы для атакующих озарений.

Но Вишал не собирался атаковать меня озарениями: раскручивая над головой странную палицу, он огромными прыжками направился ко мне. Я приготовил крылья, но с места не сдвинулся – сбить меня на взлёте будет легче всего. Встретил атаку Вишала блоком мочи-ки.

К сожалению, ни одна из знакомых мне техник не предназначалась для противостояния с этой улучшенной палицей. Размеры её таковы, что изгибы мочи-ки не перехватывали её. Материал палицы был скользким, «Тяжёлый Удар» не останавливал скольжение ствола мочи-ки по её остову.

Через несколько секунд я пал под напором мощного тела, скорости и «Тяжёлого Удара» Вишала Кохуру. Шипастая головка палицы, похожая на фашистскую каску, утыканную четырёхгранными штырями, приблизилась к моему лицу.

Я попробовал сбежать на «Проворстве Молнии», но Вишал наступил на ноги своими лапищами, просто-напросто придавив меня к земле. Озарение израсходовалось впустую. Сейчас именно тот случай, когда телепортация по «Ускользающему Свету» была бы предпочтительнее молниеносного бега.

Не убирая «Тяжёлого Удара», который спас меня в клинче двух оружий, я вдарил по врагу несколькими молниями.

Вишал болезненно вскрикнул после каждого попадания. Короткая чёрная туника задымилась, а по палице пробежали синие прожилки молний, вынудив Вишала ослабить давление и отступить. Но и тут он оказался как-то проворнее, успел ударить «Порывом Ветра» – меня отнесло назад и бросило в столб красной арки.

Подёргиваясь от остаточных молний, Вишал поднял над головой палицу и махнул ею перед собой сверху вниз, словно хотел попасть по летящей мухе. Несколько четырёхгранных шипов сорвалось с головки палицы и устремились на меня, примерно так же, как это делали наконечники оружия под названием «Цветок Деррида», которым однажды небесный стражник уложил наёмника на пустыре.

Эти штыри намного меньше, чем у деррида, и, слава Со-

здателям, не взрывались, воткнувшись в меня или в поверхность. Но их удары всё равно могут оказаться мало совместимыми с жизнью, особенно если штырь воткнётся в мой незащищённый череп или сердце.

Беспорядочно работая крыльями, я заметался между столбами арки. Один четырёхгранник вонзился в руку, второй разрезал щёку. Два других я умудрился отбить мочикой. Каждое попадание разрушало мои узоры «Удара Молнии», не давая ответить.

Вишал снова замахнулся палицей, готовясь выпустить в меня порцию штырей. Кажется, оружие требовало некоторого времени на взвод, который заключался в размахивании палицей.

– Нет позора... – пропищал я, воспользовавшись моментом.

– И слышать не хочу, – взревел Вишал. – Это не поединок!

Больше не думая о победе, я развернулся, чтобы позорно улететь, сбежать или хотя бы уползти. К грязи всех этих Кохуру! Чтобы я ещё раз посетил их сраный дворец!

Краем глаза я увидел как воздух за спиной Вишала специфически задрожал, из него выступила полупрозрачная фигура. Вокруг неё взметнулись нити колючих вязок.

Прежде чем Вишал довёл замах палицей до выстрела, его опутала петля вязки. Крючки звонко вспороли тунику и впились в кожу, пробивая «Телесную Крепость». Вторая и третья петля опутали руки Вишала. Вопя от боли он выпустил

палицу и рухнул на землю.

Акана Ситт стала полностью видимой и села на него сверху, защёлкивая замки колючих вязок.

Вишал дрыгался под ней, плевал кровью и рычал:

– Это подлое нападение!

– Ты сам сказал, что это не поединок, – ответила Акана. –

Вот я и вмешалась.

– Грязные подлецы, я вас... мы вас... Стража, сюда!

Акана наступила ему на рот ногой:

– Не позорься перед своими бойцами.

Вишал едва не зарыдал от обиды. Ведь он почти победил, а тут такой удар из невидимости!

– Маджа? – спросил я.

Акана кивнула:

– Попросила следить за тобой. Самая старшая подозревала, что Вишал или Эрну устроят засаду.

Я с сожалением посмотрел на озеро, в котором утонула шкатулка с золотом. Стоит ли её доставать, или лучше бежать отсюда?

– Чего ты стоишь? – сказала Акана. – Спешу во дворец, старшие рода Кохуру ждут тебя.

Я показал на свои перемазанные грязью и кровью трусы:

– В таком виде? И после того, что тут произошло?

– Вишал действовал без ведома старших. Наоборот, ты

должен первым рассказать правду, чтобы нас не обвинили в нападении.

Обмотанный колючками Вишал проскрипел зубами:

– Клянусь Создателями, Самаиран, вонючий ублюдок, если ты сделаешь шаг в сторону дворца, я стану твоим врагом до конца жизни.

– А сейчас мы, по-твоему, друзья?

Простой вопрос озадачил Вишала.

– Э-э-э... всё равно! Я буду ещё больше врагом, чем раньше.

– Тогда я повिдаюсь с твоими старшими назло тебе, враг мой.

Вишал проскулил и поднял ко мне залитое кровью лицо:

– Прошу тебя... Не ходи к ним... Я буду твоим должником. Умо... умоляю... свет... тьфу, грязь! Светлый господин, прошу тебя, просто уйди.

Такое обращение – крайняя степень унижения. Видать, Вишал опасался моей встречи с его старшими сильнее, чем я подозревал. Надо ли говорить, что теперь я ещё сильнее захотел с ними повидаться?

Даже Акана слезла с обвязанной туши Вишала и озадаченно поглядела на него:

– Бедняга.

Из моей пробитой ноги текла кровь. Акана бросила мне кристалл «Унятия Крови». Но он помог частично – штырь полностью вошёл в моё бедро, не вытащить, и кровил при

каждом движении. Благодаря «Живой Молнии» я не ощущал сильного дискомфорта от ранений.

– Быстрее же, – сказала Акана.

– А с ним что будет?

– Отрежу ему голову и выброшу в грязь.

– Подожди, но разве это...

– Ну ты и наивный, Самиран. Я отпущу его вслед за тобой.

Беги же!

Я поправил сползающие с бёдер трусы. Мочи-ку взял под подмышку и заковылял по направлению ко дворцу.

Стража так и не появилась. Вероятно, Вишал убрал их с постов, чтобы напасть на меня без свидетелей.

3. Красные и синие

Красная Твердыня, родовой дворец Кохуру, похож на дворец Патунга. Похож сдержанностью во внешней отделке. Только нижние уровни выложены не из серого камня, а из белого. Похожи и верхние уровни – тоже отлиты из цельных кусков небесного стекла, но красного оттенка.

Зато отличались территории вокруг дворцов.

У Патунга был мирный и ухоженный кусочек природы. Кохуру воспроизвели на своих землях буйство дикой природы, или что-то вроде того.

Главной достопримечательностью их владений была скалистая гряда, к которой примыкал дворец. Высотой она соперничала с центральным Утёсом Сердца Дивии. Искусственное происхождение гряды выдавали излишне острые и прямые вершины, с которых низвергались водопады, переходящие в реки, наполняющие овальные озёра. На одной вершине я различил железный диск, размером с футбольное поле. На его краях, словно некие странные птицы, приткнулось несколько акрабов.

Если дворец Патунга напоминал воина, устроившего засаду в кустах, то дворец Кохуру – воина, устроившего засаду в камнях.

И я блуждал среди этих камней, не находя дороги ко двор-

цу. Но как только я попытался взлететь, один из акрабов оторвался от железного диска и спикировал на меня, принуждая приземлиться.

Из акраба вылезло четверо крупных небесных воинов в тёмно-коричневых туниках.

– Здесь нельзя летать, – сказал их командир. – Читать не умеешь, что ли?

Я объяснил, что старшие Кохуру прислали мне ларец дружественного дара и пригласили на встречу.

– И ты так спешил, что даже не оделся? – усмехнулся командир.

– Ага, – ответил я. – А по дороге подрался и заодно извалялся в грязи.

Услышав, что у ворот на меня напал Вишал Кохуру, который не хотел, чтобы я встретился со старшими, командир помрачнел:

– Разберёмся.

Он отослал двух воинов к воротам, а меня пригласил в акраб. Пятисильную Бурю и Браслеты Духа командир вежливо забрал, пообещав, что вернёт на выходе.

Акраб приземлился на железный диск. В его центре чернел круглый лаз внутрь скалы. Мы спустились в лаз по железным ступенькам и прошли по коридору в комнату стражи. Я предположил, что все вершины искусственных скал владений Кохуру соединялись коридорами со дворцом. Красная Твердыня была настоящей крепостью.

Меня осмотрел целитель в маске. Вынул штырь, заживил разорванную щёку. Сделал это быстро и качественно – на месте ран остались только розовые пятна. Я чувствовал себя свежее и бодрее, чем до драки с Вишалом.

Челядинец Кохуру отвёл меня в комнату с бассейном, где я отмылся от крови и грязи. Этот же челядинец помог мне вытереться досуха, потом отвёл в соседнюю комнатку, обставленную сундуками с одеждой, и предложил одеться.

Я выбрал чёрную тунику средней длины (остальные были экстремально короткими) и небольшую накидку. Обул чёрные кожаные сандалии с красными шнурками, заканчивающиеся бляхами с красным иероглифом рода Кохуру.

Красный и его оттенки – избранный цвет рода Кохуру. Тогда как у Патунга – синий. Этакое классическое противостояние Красные vs. Синие.

Челядинец повёл меня по коридорам и комнатам дворца, спускаясь всё ниже и ниже, пока мы не очутились у входа в зал приёмов, такой же большой как у Патунга. Даже золотые статуи предков расставлены в альковах такими же рядами. Только задние стенки альковов выложены красной мозаикой.

На подиуме в центре зала стояло четыре пустых лектуса. Вокруг подиума полукольцами разложены матрасы, подстилки и подушки. Но гостей на них не было. О том, что они

ушли недавно, говорили коробочки и кувшинчики, расставленные между матрасами.

В самом дальнем Кольце сидел понурый Вишал Кохуру. Он в новой чёрной тунике. На лице, руках и ногах виднелись розовые шрамы от колючих вязок Аканы. Рядом с ним сидел Эрну. Братья не смотрели на меня и постоянно перешёптывались.

Я так долго блуждал среди камней, что Вишал опередил меня.

Челядинец подвёл меня к лектусам и усадил на толстый и мягкий матрас. Другой челядинец принёс в руках коробочки с едой. Третий челядинец поставил передо мной прямоугольный кувшин и щёлкнул по крышке пальцем:

– Это свежее и весьма хорошее вино из лесных ягод, прошу испробовать, светлый господин.

Однако, как быстро контрабанда семьи Варека разошлась среди потребителей. Это при том, что Совет Правителей запретил вино. Типа, запрет не распространялся на дворцы самих членов Совета?

– Самые старшие рода Кохуру уже здесь, – объявил челядинец и отошёл к стене зала.

На подиум поднялись четверо: двое крупных и пожилых мужчин, двое телосложения чуть поменьше. За ними на небольшом отдалении двигался точь в точь такой же прорицатель в металлической маске и чёрном чехле, какой сидел в первом кольце рода Патунга.

Я и братья вскочили с подстилок.

– Сразу прошу простить нас, Самиран из рода Саран, – сказал один из старших, прежде чем опуститься на центральный лежак. – Уверяю, что Вишал ошибся, когда атаковал тебя.

– Вишал только и делает, что ошибочно атакует, – сказал другой старший. – То учителя, то низких ремесленников, то ещё кого-то. Бездарный бездельник. Он принёс нам меньше славы, чем безымянные новички из воинства подручных. А золотых граней на него потрачено больше, чем он стоит. Теперь он попали на суд Прямого Пути, где даже наше Моральное Право не смогло избавить его от наказания.

– Ты был на сравнении Обвинения и Правды, брат?

– Вишала отправят трудиться во славу Дивии. Тридцать дней повинных работ там, где ему укажут в сословии Поддерживающих Твердь.

– Ничего страшного, – усмехнулся старший Кохуру. – Я в молодости не раз чистил свинарники, таскал камни на пустырях или осушал каналы в Нутре Дивии. Я тоже отрабатывал повинности за хулиганство. Я был непослушным юношей, много забот и огорчений принёс родителям. Даже, помнится, будучи ещё младшим учеником Дома Опыта, обложил данью слабаков из священников и портных... Я не нуждался в золоте, но я жаждал власти, уважения. Эх, молодость... Но даже я не был настолько туп, как Вишал и Эрну.

Выговорившись, самый старший обратился на меня нежный

взгляд:

– Болван Вишал напал на тебя по Пути в гости к нам. Это непростительная ошибка.

– Ничего страшного, – поклонился я. – После схватки болван Вишал и сам понял, что допустил ошибку.

Самый старший кивнул:

– Тогда поговорим о том, для чего мы тебя призывали. Меня зовут Рено Кохуру, самый старший рода Кохуру и член Совета Правителей.

Я ответил цветастой фразой о том, как я польщён, как я ликую всем сердцем, как я ослеплён славой и величием славнейшего рода, столь уверенно шагающего по Всеобщему Пути, как я...

Рено остановил потоки хвалебных метафор:

– Поговорим по-простому, Самиран. Садись. Угощайся вином. Его недавно привезли на Дивию. Очень вкусное.

Прорицатель безмолвно встал рядом с нами, готовый впитывать каждое слово.

Рено Кохуру почти копия мускулистого старца из рода Патунга, чьё имя я так и не узнал, но чьи накачанные веки запомнились мне навсегда.

Снова подумал, что Патунга и Кохуру были подозрительно похожи. Если не родственники, то одного этнического типа. В отличие от двойника из Патунга, взгляд Рено Кохуру

был невероятно добрым, прямо-таки излучал нежность, будто я был его любимым внуком.

Второй старший сидел справа. Его звали Инно Кохуру, тоже член Совета. Он был относительно нестарым мужчиной возраста Илиина. Также носил большие усы и небольшую бородку. Он единственный из старших, кто был в доспехах, пусть и лёгких, кожаных. Ему было явно неудобно сидеть на лектусе. Весь вид Инно Кохуру как бы говорил, что он хочет поскорее уйти отсюда и заняться настоящим делом, а не валяться среди старцев.

Третий старший мало походил на члена воинской семьи – плешивый, пузатенький, с крючковатым носом. Похожий на какого-то олигарха из девяностых. Он не назвал своего имени и сидел на лектусе без уважения именно ко мне, широко расставив ноги и сверкая в мою сторону трусами, из-под которых ломились густые заросли волос. Из предыдущего разговора я понял, что Эрну его сын.

А вот четвёртого человека я узнал. Так как старшие Кохуру, демонстрируя дружелюбие, убрали давление Морального Права, то Голос напомнил мне, что это Рангат Кохуру, один из воров граней, которого я сразил «Наведением Сна» во время схватки у Храма Движения Луны. Это у него я отнял амулет Страж Тела, а так же шкатулку золотых граней, на которые я и старец Танэ Пахау купили домик в Восьмом Кольце. А по тому, как он с ободрением взглядывал на Вишала, догадался – это его сын. Рангат Кохуру никак не про-

являл отношения ко мне. Полулежал на лектусе в нейтральной позе.

Рено Кохуру деловито, почти без метафор, изложил своё видение будущего: мне предлагали стать первым отрядом молодых подручных, которым ранее управлял Вишал. А до него – Эрну.

– Эти болваны, – сказал Рено Кохуру, показав пальцем мне за спину, – потратили много дней, но не добились и десятой части того, что ты добился в тот же срок. А ведь при этом ты происходишь из бесславного целительского рода.

Похожий на олигарха пузан добавил:

– Ещё мы слышали, что Самиран хочет открыть свою едальню и жарить мясо под названием каш-лык. Чего бы это ни значило.

– Это правда? – удивился Рено.

– Ну... я хотел бы. И не каш-лык, а шашлык. Это особо приготовленное мясо...

– Нет, нет, такую мерзость тебе придётся оставить. Пусть мясо кашлыков жарят те, кто боится проливать свою кровь за Дивию.

Далее Рено Кохуру сказал, что Вишал и Эрну перейдут под моё начальство, но я волен решить их судьбу.

– Можешь отправить их на службу в отдалённое низкое царство, можешь перевести в небесную стражу, а можешь сделать своими челядинцами.

Из дальнего Кольца донёсся протяжный стон Эрну: «Ну-

у-у, ста-а-арший... Он же убил наш акраб, это подлю и низко!»

Рангат Кохуру шевельнулся:

– Ты чего вообще несёшь, брат? Вина перепил? Никогда мой сын не станет челядинцем какого-то там Саран! К тому же – подлого разрушителя одного из наших небесных домов.

– Убивать небесные дома без причины, конечно, нельзя, – согласился Инно Кохуру и строго посмотрел на меня. – Разве рода Кохуру и Саран воюют?

– Нет, светлый господин, – ответил я.

– Так зачем ты покусился на наш небесный дом? Это мерзкий поступок, Самиран.

Я поклонился, как бы признавая ошибку и обещая больше не убивать небесные дома.

– И вообще, с каких это пор можно делать старшим в отряде нашего рода кого-то не из Кохуру? – подал голос Олигарх. – Да над нами даже низкие смеяться будут. Не говоря уже о Патунга.

Рено Кохуру привстал на лектусе и грозно прикрикнул:

– Следи за словами, брат. Я старший, захочу – назначу и тебя в челядинцы моего челядинца. И вообще сядь, как подобает.

Обиженный Олигарх принял другую позу, больше не угрожая мне волосатой промежностью.

Рено продолжил:

– Как верно заметил мой невоздержанный на слова брат,

Кохуру не могут служить не Кохуру, поэтому я предлагаю тебе жениться на одной из наших дочерей.

Олигарх воздел руки кверху:

– Видят Создатели, я против этого унижающего нас союза.

Рено повернулся направо, к Инно Кохуру:

– А ты брат?

– Самиран показал себя как ловкий, удачливый и... осторожный воин. Пусть он запятнал себя подлым убийством небесного дома, всё же он один из немногих мальцов этого поколения, кто достоин служить нам.

– Ты согласен, что Самиран женится на нашей женщине?

– Не вижу причин, почему мы, обрадовав Самирана союзом с нами, тут же должны огорчить его навязанным союзом с женщиной из нашего рода.

Рангат Кохуру снова сохранил нейтральное молчание. Но едва заметно кивнул.

– Вот и хорошо, – подвёл итог Рено Кохуру. – Мы разрешаем тебе соединиться с любой свободной и подходящей по возрасту женщиной нашего рода.

– При всём уважении, уважаемые, но я не хочу соединяться с кем-либо.

– Как так? – искренне удивился Рено Кохуру. – У нашего прорицателя был пророческий сон об этом союзе.

Я вопросительно поглядел на прорицателя.

Тот кивнул маской и произнёс искажённым свистульками голосом:

– Во сне я видел, как с женщиной рода Кохуру возлежал некий молодой воин из бесславного рода. А потом они законно соединились во браке.

– Ясненько. А в вашем эротическом сне точно был я? И почему вы решили, что именно этот момент сна – пророческий? Быть может, вам самому любви не хватает, вот и снится всякое...

Прорицатель обвёл рукой просторы зала:

– Среди нас ты самый бесславный. Тебе только что предложили женщину рода Кохуру. Всё сошлось. Любому понятно, что именно это и было пророчеством.

С такой логикой спорить невозможно.

Инно Кохуру заявил:

– Самиран, наш прорицатель ясно видел сон о твоей любви с женщиной из рода Кохуру. А раз так, то чего ты сопротивляешься? Или ты сомневаешься в озарениях нашего прорицателя?

– Само собой, спешить нет нужды, – успокоил меня Рено. – Дня два-три ты можешь выбирать женщину, потом мы удостоверимся, что она не против брака с тобой. Или уговорим, если против.

– Пророческий сон уже всё подтвердил, – поспешно сказал прорицатель. – Как можно быть против?

– Тем более, – согласился Рено. – И дней через двадцать можно пойти в Прямой Путь, чтобы подтвердить ваш союз. Спешить, как я говорю, некуда.

Олигарх обиженно заметил:

– Что-то Самиран не рад. Не из тех ли он молодчиков, кто предпочитает других молодчиков, а не женщин?

Рено Кохуру сказал:

– Принятие нашего имени сделает тебя младшим товарищем сословия Защищающих Путь. Как самые старшие сословия, мы имеем несколько свободных мест. Мы берегли их для Вишала и Эрну, но эти болваны... ну, ты сам знаешь.

– Эм...

Рено ласково смотрел на меня, изливая взглядом безмерную любовь. Инно нетерпеливо постукивал ногой. Рангат – молчал. Олигарх обиженно чесал волосатую грудь. Он единственный, кто активно противился происходящему.

– Видно же, что парню нужно время на размышление, – не выдержал Инно. – Пусть он придёт с ответом завтра. А наш прорицатель пусть ещё поспит.

Я радостно ухватился за эту возможность и закивал. Но Рено Кохуру заявил:

– Нет, братья, Самиран должен дать ответ сейчас.

– Да почему ещё? – нетерпеливо спросил Инно.

– Потому что Патунга сегодня сделали Самирану такое же предложение. Не так ли, малец?

– Откуда вы знаете? – спросил я. – Тоже во сне увидели?

– Патунга наши враги. А врага нужно знать лучше, чем друга. Итак, Самиран, кто ты нам, враг или друг? Подумай, а мы подождём.

Я стал думать.

Плюшки от союза с Кохуру высыпались так обильно, что я не мог сообразить, как ответить. Кохуру предлагали мне одним махом перепрыгнуть много ступеней социальной иерархии Дивии. Их предложение намного щедрее, чем дар Патунга.

Но я привык, что Кохуру были моими врагами с первого дня появления на Дивии. Поэтому в самой щедрости их предложения мерцал какой-то подвох.

С другой стороны – а почему бы и нет? Я служу в отряде Патунга, но пока что не связан с ними родовой клятвой. А только клятвой отряду. Её нарушение сделает меня врагом Патунга, но сделает ли другом Кохуру?

Я владел тайной высокого Морального Права рода Кохуру. Им желательно сделать меня своим другом, чем врагом. Но именно принадлежность к Патунга удерживала их от того, чтобы просто убить меня. По крайней мере, я так думал.

Вот! Вот оно! Вот почему Кохуру пошли ва-банк и предложили мне по максимуму всего, что только можно предложить молодому воину из бесславного рода.

Если раньше я был никем, каким-то малолетним учеником Дома Опыта, то став первым в отряде Патунга, я приобрёл политический вес. И если я поведаю старшим Патунга о том, что Кохуру обманом качают Моральное Право, то веры

мне будет намного больше. А у Патунга есть все возможности, чтобы раскрыть ложь Кохуру всему Совету Правителей. Этого они и боятся!

Подвиги, конечно, я тоже совершил, но не настолько, чтобы Кохуру пришли в дикий восторг и бросили к моим ногам все богатства мира. Да, я отличился в начале операции по взятию Лесной Крепости, но старшие воины и славные герои отличились не меньше моего. Я только обрушил крышу крепости, тогда как они уничтожили множество лесных, колдунов, выучек и гракков. Так что среди нашего воинства есть более героические бойцы, чем я.

Итак, Кохуру в отчаянии, поэтому готовы на всё. Даже пожертвовали благополучием своих отпрысков – Вишала и Эрну. Хотя я был уверен, что пожертвовали только на словах. На деле их не обижают. Один отработает наказание, другой посидит в ямке, а потом всё у них будет хорошо.

Патунга же просто привлекли на свою сторону многообещающего молодого воина. Все славные рода, не только военные, делали такие предложения юношам и девушкам, отличившимся во время учёбы.

Став первым в отряде Кохуру, я получу неизмеримо больше, чем став первым в отряде Патунга.

Патунга – это некоторый достаток и служба с туманной перспективой на повышение.

Кохуру – это власть, влияние, вступление в сословие и многое другое. Быть может, и членство в Совете Правителей.

Ведь если я стану Кохуру, то мне тоже прокачают Моральное Право через воровство чьих-то граней.

Но раз Кохуру добились своего положения частично через обман, то не станет ли это причиной их падения?

Я был уверен – однажды читерство Кохуру всплывёт, а потом утопит этот род. Может не в этом поколении. Но обязательно когда-нибудь.

И никакие пророческие сны не помогут избежать возмездия, если Кохуру не остановятся.

А они не остановятся.

Дорвавшись до халявного Морального Права, Кохуру уже потеряли бдительность. Они уже привлекли внимание небесной стражи к таинственным событиям в храмах, которые Илиин Раттар ловко покрывал.

Кстати, а что если Котахи Патунга прав, Илиин Раттар всё ещё служит Кохуру? Надо бы присмотреться к этому мутному усачу...

Нет, Кохуру не остановятся. Они снова и снова будут проводить обряды грязного колдовства, будут отбирать врождённые грани у подростков и превращать их в своё Моральное Право. Даже если модераторы этой системы Двенадцати Тысяч Граней не прикроют читерскую лазейку Кохуру, то однажды её прикроют остальные участники этой системы. Прикроют вместе со славным родом Кохуру. И меня заодно с ними.

Род Кохуру – это сияющий огнями и золотом «Титаник».

Как ни почётна должность помощника капитана, но лучше я постою на берегу. А ещё лучше – постою на том айсберге, который потопит «Титаник».

Я поднял взгляд на Рено Кохуру.

Он всё понял без слов и выдохнул:

– Мелкий ублюдок.

Его глаза продолжали излучать ласку и доброту, но каким-то непостижимым образом заодно и сообщали – я только что рассердил самого старшего в роде Кохуру, второго могущественного человека в Совете Правителей.

Я был уверен, что Рено Кохуру может убить меня движением пальцев. Он даже сделал это движение, но сдержался.

Рангат Кохуру заметил:

– Кажется, ты, уважаемый брат Рено, преувеличил ум этого парня. Я же говорил – он дурачина.

– Согласен, брат. Глупый мальчишка не понимает, что возможность стать одним из славных жителей летающей тверди предоставляется только раз. Потом... потом мы будем говорить по-другому.

Инно Кохуру вскочил с лектуса:

– Раз всё решилось, и парень не хочет быть с нами, то я пойду. У меня много дел с подготовкой отряда для поисков правды. На этот раз мы должны превзойти Патунга в подвигах.

– Конечно, иди, брат. И заberi с собой этих оболтусов. Вишала отправь к небесной страже, пусть назначат ему по-

винные работы.

– А с Эрну что делать? – спросил Инно.

– Посади-ка его в яму. Без еды и воды. Можешь побить его.

– Но не слишком сильно, – умоляюще попросил Олигарх.

– Ну-у-у, ста-а-арший... – заныл Эрну. – Я не стал помогать Вишалу. Я не нападал на Самирана, я ничего не сделал!

– Вот за это и сядешь в яму. Ты уже столько раз споткнулся на Всеобщем Пути, что у тебя нет времени на бездействие.

Инно Кохуру и братья покинули зал.

Я остался, понимая, что разговор не закончен. Сейчас на меня будут давить – подкупать и угрожать. Кормить кнутом и бить пряником.

О том, что меня убьют – не опасался. Такие подлые убийства не практиковались славными родами.

Хотя... мало ли на что способны воры граней?

4. Стекло́нный член и смя́тение духа

Я догадался, что Инно был честным небесным воином, он ничего не знал о грязном колдовстве и бесчестном увеличении Морального Права. Как только он покинул зал, выражение лиц оставшихся Кохуру изменилось.

Нежный и добрый взгляд Рено сменился злым презрением. Олигарх встал с лектуса и размял плечи, словно собирался бить меня. Хоть он и был пузаном, но всё равно большим и сильным.

Рангат Кохуру тоже встал с лектуса, будто тоже собирался бить меня, но выглядел он не страшно. Между тем днём, когда воры граней угрожали мне и сегодняшним прошло много других дней. Теперь я могу постоять за себя.

Прорицатель стоял поодаль от всех, наблюдая за происходящим.

– Мы не понимаем тебя, юноша, – миролюбиво сказал Рангат. – Мы предлагаем тебе стать могущественным и богатым. Род Кохуру медленно, но неотвратимо приобретает всё больше власти в Совете Правителей. Почему же ты отвергаешь наш дар?

– Вы запретили мне жарить шашлык, – ответил я. – А

шашлык мне дороже всех даров Кохуру.

Поняв, что я смеюсь над ними, Рено тоже встал с лектуса:

– Твоя смелость и дерзость держатся на уверенности, что мы не станем убивать тебя в своём доме.

Теперь уже и я, нарушая весь этикет, встал с матраса:

– Вроде бы у светлых господ не принято убивать, как это делают в клетках Ветроломов? Вы пригласили меня...

Вместо ответа Рено шевельнул пальцем – едва заметное, едва слышимое завихрение «Порыва Ветра» образовалось над моей головой и так ударило меня по темечку, что я распластался на полу. Пока первый вихрь давил меня в пол, второй охватил мою шею и плечи и приподнял их выворачивая так, чтобы я мог смотреть на моих мучителей.

Сильной боли ещё не было, но демонстрация того, как Рено обращался с этим озарением, напугала.

Я нередко слышал трёп воинов о том, что якобы существовали герои, достигшие невероятных умений в обращении с озарениями. Якобы они могли разнести закованного в броню воина одним дуновением, или одной небесной искоркой, или одним хлопком «Взрыва Воздуха». Эти мифические герои наносили невероятно большой ущерб при невероятно малом расходе Линий. Одни говорили, что достигали они такой виртуозности через упорство и трудолюбие, посвящая выбранному озарению всю жизнь. Другие уверяли, что высокое Моральное Право открывало какие-то иные грани привычных озарений. Скорее всего правдой было и то и

другое.

Теперь я убедился, что Рено Кохуру был одним из этих мифических героев.

– Мы можем обойтись и без убийства, – сказал Рангат Кохуру.

Олигарх наслал на меня такие ослабления Тела и Духа, что мои Линии мгновенно истончились до того размера, какими они были в те времена, когда я только вселился в тело Самирана.

– Мы можем, – добавил Олигарх, – сделать так, что ты будешь умолять нас о смерти.

– Мы не просто можем, – дополнил Рено, – а *сделаем* так, что ты будешь бороться за смерть с таким отчаянием, с каким раньше боролся за жизнь.

Трое негодяев ходили вокруг меня, словно собирались меня съесть и присматривали кусочек посочнее.

Хотя я и был напуган, но мне не впервой быть на грани смерти. Главное не дать Кохуру запугать меня окончательно. Всё-таки они понимали, что убийство мальчика, приглашённого ларцом дружественного дара нанесёт удар по репутации рода. Главное, не дать себя запугать...

– Мы тебя не уьём, – сказал Рангат, – но покалечим на всю жизнь.

Олигарх закивал:

– Например, мыотрежем тебе ступни и кисти рук и сожжём их. Целители будут бессильны восстановить твои ноги

и руки. Ты до конца жизни будешь есть, наклоняясь к полу, как буйвол.

– Или вот ещё что мы сделаем, – поддержал его Рангат. – Мы отрежем тебе естество и скормим его свиньям. Целители приделают тебе деревянные ноги, ты сможешь кое-как ходить, а вот деревянным членом ты сможешь только в отчаянии стучать по стенам.

Олигарх и Рангат захохотали, а Рено как бы сочувственно сказал:

– Не понимаю твоего упорства, Самиран.

Я собрал всю свою смелость, которой уже и не было, и сказал:

– Подумать только, и все эти пытки ради того, чтобы я стал Кохуру?

Вместе со смелостью, я собрал и остатки Линий. Как бы ни сильно было давление ослаблений, но я смог наскрести на один тусклый «Удар Молнии». Синий росчерк ударил Рангата Кохуру по темечку. Его и без того редкие волосы вспыхнули и задымились.

Рангат тонко заголосил и отбежал от меня подальше. Раскидав ногами коробочки с едой и кувшины, повалился на матрас, звонко шлёпая себя по голове, словно наказывая за забывчивость.

Давление его озарений исчезло. Не поднимаясь на ноги, я попытался развернуть крылья, рассчитывая взлететь из лежачего положения. Обычно такое не рекомендовалось делать

– «Крылья Ветра» хотя и состояли из непонятной полуматериальной субстанции, похожей на «Игру Света», но они вполне материально сталкивались с предметами и стенами. Я рисковал обломать крылья об пол.

Но перспектива обзавестись деревянным членом сделала меня проворнее обычного. Я не только сбросил давление вихрей, но и умудрился протащить своё тело по полу, как бульдозер, собрав перед собой коробочки и матрасы.

Не знаю, с чего я решил, что смогу улететь. Быть может, сказалась привычка бороться за жизнь даже в безвыходных ситуациях. Помня о том, что Рено Кохуру виртуозно использовал «Порыв Ветра», я не стал взлетать под потолок, где меня можно легко сбить, а сменил крылья на «Проворство Молнии». С колотящимся, полным надежд на спасение сердцем я устремился к выходу из зала.

– Неплохо, – услышал я Рено, но его голос донёсся не позади, а впереди меня.

Я со всего молниеносного разбега ткнулся в железобетонную грудь этого пожилого качка. Вероятно, он опередил меня по «Ускользящему Свету».

Кулак Рено Кохуру, униженный кольцами и какими-то тонкими золотыми цепочками, закрыл мне белый свет. Я отлетел на несколько метров, упал и только после этого почувствовал боль.

Всё моё лицо, казалось было раздроблено. Я даже боялся встать, будто в вертикальном положении оно могло осыпаться.

ся мелкими осколками.

Кохуру окружили меня. Голова Рангата дымилась, сожжённые волосы превратились в комочки палёной шерсти. Лицо искажено злобой.

– Всё, малец, готовься примерять деревянный член.

Рангат ухватил меня за ногу и поволок по полу. Сквозь опухшие после удара веки я увидел, как он снял с пояса кинжал.

На меня больше не действовали подавляющие озарения или вихри. Но я так обессилел после короткой схватки, что не мог сопротивляться.

После удара в голове всё ещё что-то гудело и свистело, зрение плыло, словно не успевая отображать окружающий мир. Только по тому, как мой затылок стучался по стыкам плит, понимал, что я всё ещё в зале.

– Я согласен, – сказал я. Но распухшие губы не позволили сказать это нормально. Я сам услышал, что издал неразборчивое мычание.

Рено всё понял.

– Нет, парнишка, поздно. Мы тебе предлагали идти вместе. По пройденному Пути уже не вернуться.

– Я передумал! – орал я. Но с ужасом слышал, что только мычал и мычал.

Рангат сверкнул кинжалом:

– Я же тебе говорил что будешь умолять нас? Ты ещё ответишь за мои сожжённые волосы. Знаешь сколько золота мне стоили целители, которые их нарастили? Сотни и сотни тысяч. Это были мои лучшие волосы, ублюдок!

Бессвязно я обещал, что найду ему новые волосы, что сделаю парик из своих собственных. Мол, у меня очень хорошие и густые волосы. Парик получится отменным.

– «Пак-крик», – услышал я насмешливый голос Рангата Кохуру. – Что это такое? И зачем он мне это обещает?

– Что-то на демоническом, – отозвался Рено. – Я же говорил, что он, вроде, с демоном внутри.

– И ты хотел ввести демона в род Кохуру? – вскричал Олигарх. – Нет, ты точно перебрал сегодня вина, братец.

– Да, теперь понимаю свою ошибку. И насчёт вина тоже. Но сон прорицателя...

– Ясно же, что прорицатель снова ошибся! Толку от него, как от грязи.

Я услышал протестующий возглас прорицателя.

– Умоляю вас... – промычал я. – Отпустите...

От былой уверенности не осталось и следа, я готов ползать на коленях и целовать ноги всему роду Кохуру, лишь бы меня отпустили.

Я предлагал стать их челядинцем, слугой, рабом! Чем угодно, но только не это... Я обещал, что если меня отпустят, то тут же покину Дивию и отправлюсь жить среди низких. Стану падшим, грязью, никем.

– Хм, а это здоровое предложение, – сказал Рено Кохуру.

– Да-да-да, светлый господин, светлейший и величайший.

Позвольте мне упасть в грязь и исчезнуть, только не надо...

– Нет, нет, – заявил Олигарх. – Теперь уже поздно. Раз решили его искалечить, то нельзя отступать. Кохуру держат своё слово.

– Ла-а-дно, – с неохотой согласился Рено. – Давайте калечить.

Я разразился рыданиями. Слезы с трудом пробивались сквозь мои опухшие от побоев веки.

Краем сознания я понимал, что меня околдовали «Смятением Духа». Отсюда и такой животный страх и готовность на всё, лишь бы выжить, лишь бы не ходить остаток жизни с деревянным членом.

Ну и пусть!

Пусть это «Смятение Духа»! Разве без его воздействия я вёл бы себя иначе? Я абсолютно беспомощен против троих старших славного рода. Я беспомощен даже против одного. Эти люди десятки лет практиковали свои озарения. В сравнении с ними я низкий, встретивший в лесу отряд высших.

Я вспомнил выражения лиц тех низких людей, которых довелось убить. Все они погибали со смесью ужаса и какой-то надежды. Надежды на то, что всё-таки не умрут, что выживут, что их кто-то спасёт. Или хотя бы верили, что возродятся на Дивии.

В моём окутанном ужасом сознании всплыло усатое лицо

лесной женщины, которую я когда-то убил всего лишь за то, что она сопротивлялась моему превосходству высшего. Теперь я понимал, как она себя ощущала... Мерзко, как мерзко быть высшим!

«Смятение Духа» окончательно меня проняло, я начал бессвязно молить:

– Да, я достоин смерти. Лучше убейте меня. Просто убейте.

– Слышишь самого себя, парень? – крикнул Рангат. – Я же говорил, что ты будешь умолять убить тебя? Как видишь, не нужно и «Пророческого Сна», чтобы убедиться в моём предсказании.

– Да, светлейшие господа. Убейте меня... Умоляю вас.

– А как же святые традиции? Нет, мы не можем тебя убить в нашем доме, так не принято. А вот деревянный член – подарим.

– Лучше стеклянный, – хмыкнул Олигарх. – Из небесного стекла, закалявшегося два поколения. Кохуру не бедняки же.

– Точно! То-то будут удивляться женщины. Правда, Самиран, это единственное, чем ты сможешь удивлять женщин.

– Главное, ха-ха, не разбей его и не порежь руки.

Некоторое время троица обменивалась шутками насчёт моего будущего стеклянного органа.

Я покорно лежал, оглядывался, отыскивая путь к спасению. Разок попытался куда-то отползти, но мне на шею на-

ступили ноги мучителей.

Ослабленный Телом и Духом, уничтоженный физически и лишённый озарений, я потерял волю сопротивляться. Даже думать об этом перестал, так как в моём сознании безраздельно хозяйничало «Смятение Духа», вызывая бесконечные вереницы образов пыточных страданий, жизни со стеклянными членом, порезанных рук и общей никчёмности и безнадёжности моего будущего. Смерть и впрямь стала для меня единственным спасением.

Меня снова поволокли. Я видел только плитки пола, так как меня волокли лицом вниз. Я услышал, как Рено Кохуру приказал кому-то подготовить «комнату для истязания».

– Продержим Самирана там день-другой, чтобы даже самые лучшие целители не смогли исправить его уродства.

Сквозь волны страха и «Смятения Духа» я почувствовал какую-то заминку.

До моего слуха донёсся чей-то взволнованный голос. Его перебил Рено:

– Повтори?

– Патунга у ворот. Целый отряд собрался. Правда, все мальцы из Дома Опыта. А возглавляет их Маджа Патунга.

– Что им надо?

– Требуют повидать Самирана.

– Скажи им – он наш гость. Выйдет через два дня.

– Я говорил, светлый господин, но Маджа требует Самирана сейчас. Иначе...

– Иначе что? – взревел Рено Кохуру.

Вестник испуганно продолжил:

– Иначе, говорит, она нападёт и вызовет Самирана силой.

Минуту все молчали. Первым сказал Олигарх:

– Патунга решились на войну с нами? Такого нашему прорицателю и не снилось. Что же, давайте покажем им, как мы...

– Нет, брат, – прервал его Рангат Кохуру. – Это ещё не война. Маджа просто попросила своего воина обратно. Её старшие пока что не ведают о её требовании.

– Ну и что? Нам-то проще. Уничтожим весь отряд.

– Они всего лишь дети!

– Будет уроком для старших Патунга – пусть следят за своими отпрысками.

Сквозь накатывающиеся приступы «Смятения Духа» я следил за беседой. Неужели... Что если... Маджа... Товарищи... Но любой росток надежды тут же смывала лавина страха, отчаяния и желания умереть. Почти не владея собой, снова подал голос:

– Убейте же меня поскорее.

После недолгого молчания Рено решился:

– Мы не можем атаковать отряд Маджи.

– Почему? – злобно спросил Рангат.

– Инно и другие братья не согласятся.

– Они обязаны исполнять твои приказы.

– Инно признает требование Маджи справедливым. А если узнает, что мы хотели покалечить Самирана, то вообще пойдёт к Патунга просить прощения.

– Экий же он болван.

– Он славный воин и герой.

– Я и говорю.

– Вот поэтому я пока что против начала войны с Патунга.

Но Рангат настоял:

– Всё равно, брат Рено, ты должен приказать Инно атаковать Маджу. Ты же самый старший нашего рода? Ты же грозил, что можешь даже меня сделать челядинцем своего челядинца? Или это были пустые слова?

– Успокойся, брат, – вмешался Олигарх. – Рено прав. Надо как можно скорее избавиться от этих подручных. Надо вернуть Самирана.

– Я хочу отомстить ему ещё с того случая, когда он ограбил меня, погрузив в сон.

– Нет.

Рангат взбесился и затопал ногами. Даже до меня, валявшегося на полу, долетели брызги его слюны:

– Вот из-за этого Патунга и нагоняют нас на Всеобщем Пути! Они не верят ни в какие дурацкие сны! Они уже сравнялись с нами, а вы всё осторожничаете. Наглые требования Маджи – хороший повод убить её и весь отряд. А потом за-

няться остальными Патунга. Пора оттеснить этих наглецов на обочину Всеобщего Пути. И если Инно почему-то не согласится выполнять своё предназначение, то он недостоин быть старшим славного рода Кохуру.

– Тише братья, – властно сказал Рено. – Малец хоть и обмочился от страха, но всё слышит.

– Тогда я отрежу ему уши, – заявил Рангат. – И естество тоже. Всё это искромсаю на мелкие кусочки, вложу ему в ладони и, так уж и быть, отпущу на волю. Пусть целитель его отряда попытается разобраться что где и склеить всё как было.

– Убейте меня, умоляю, – всхлипнул я против своей воли.

– Ты очень грозен, брат, – насмешливо согласился Рено. – Жаль, что ты забросил воинское предназначение и отрастил брюхо, валяясь на ложе в Совете Правителей.

– Когда мы ударим по дворцу Патунга – я буду в первых рядах!

– А вот этого, пожалуйста, не надо. Ты только помешаешь настоящим воинам.

– Братья, – возвысил голос Рено. – Хватит разговоров. Позовите целителя. Надо вернуть жизнь этому мелкому негодю и отпустить к Мадже.

Давление всех озарений резко ослабло. Я смог сесть на полу. Подо мной было мокро. По лицу текла кровь, даже не знаю откуда, кажется из всех сотен трещин, на которые моё лицо разлетелось после одного единственного удара Рено.

Если мои силы кое-как восстановились, то воздействие «Смятения Духа» продолжалось. Я вспомнил, что это озарение имело скверные последствия в виде внезапных флешбэков. Вот и сейчас нет-нет на меня наваливался беспричинный страх и желание заползти в тёмный угол, свернуться там калачиком и рыдать, умоляя то о смерти, то о пощаде.

Рено снова смотрел на меня ласковым и безмятежным взглядом. Олигарх отвернулся, призывая какого-то человека в маске. Прорицателя нигде не видно, видать, расстроился, что его «Пророческий Сон» не так поняли.

Рангат был распалён и зол. В кулаке он сжимал кинжал.

Человек в маске подошёл ко мне. Как я понял – целитель. Но не тот, который лечил меня в комнате стражи. Родовых иероглифов или украшения на нём не было. Но наличие маски намекало, что это кто-то очень славный из очень славного рода. Быть может даже – Ронгоа.

– Дай я ему естество отчитаю! – заорал вдруг Рангат, и, размахивая кинжалом, кинулся ко мне.

Стараясь не визжать от ужаса, я прикрыл пах и задёргал ногами, стараясь отползти спиной назад.

– Угомонись, – твёрдо сказал Рено и схватил брата за руку. – Унижение воина Патунга будет законным и красивым поводом для атаки. Даже род Поау может занять сторону Патунга. А против обоих мы не выстоим.

– Да к грязи их всех! – бесновался Рангат. – Мы сильнее всех! Мы можем хоть сейчас стать правителями Дивии. Мы

можем...

– Заткнись, болван! – вдруг заорал на него Рено и порывом ветра выбил кинжал. Вторым порывом пригвоздил Рангата к полу.

Олигарх, наблюдавший это, примирительно сказал Рангату:

– Брат, Рено хочет сказать, что нельзя сталкиваться с противником на его условиях. Мы не будем наносить удар тогда, когда Патунга ждут его. Мы только разгневаем Безумного Гуро. Вот получим большинство голосов в Совете, потом переманим на свою сторону всех Поау, тогда и...

Он не договорил и подошёл ко мне. Пнул в грудь:

– Благодарю Создателей, что пока что у тебя живой член, а не стеклянный.

Все трое отвернулись и спокойно пошли к постаменту. Челядинцы уже сновали по залу: собирали разбросанную во время битвы утварь, сворачивали матрасы и отмывали с каменной мою кровь.

Целитель присел рядом со мной и наложил руки на моё лицо. Мощнейшая волна исцеления прокатилась по телу. Так не умела исцелять даже Мадхури Саран. Или умела, но мне не довелось этого испытать.

После целителя ко мне подошёл челядинец и бросил под ноги Браслеты Духа:

– Кохуру чужого не надо.

Я не стал заикаться о мочи-ке, но челядинец сам напом-

нил:

– А твоё оружие я забрал. Не как расплату за ущерб, а просто так.

На этот раз я совершенно не жалел о вновь утерянной Пятисильной Буре.

Подобрав браслеты, я поплёлся за челядинцем к выходу из дворца Кохуру.

Когда я вышел из-под воздействия Морального Права старших Кохуру, ожил Внутренний Голос и безмятежно сообщил:

«Твоя Линия Духа стала толще на один волос. Знай об этом».

5. Остаточное явление и главная героиня

Несколько дней я отлёживался в своём доме на Восьмом Кольце. Выходил только в туалет, благо он за стеной. Быстро делал все дела, пугливо плескался в бассейне и снова бежал в тёмную комнату.

Отходняки после «Смятения Духа» были страшными, как само «Смятение Духа». И нельзя было предсказать, когда очередной флешбэк собьёт меня с ног.

Во время таких возвращений, я накрывался одеялом и трясся от ужаса. Когда отпускало, подходил к закрытому деревянными ставнями окну и смотрел в щёлку на дворик, где старец Танэ Пахау копался в кустах ман-ги.

Раз в день меня навещал Маур Ронгоа, который обладал озарением, снимавшим «Смятение Духа». Его название он не сказал, так как это было скрытым озарением рода Ронгоа. И я подозреваю, что оно делало намного больше, чем просто лечило испуганных насмерть воинов.

Маур был ещё не очень силён в этом озарении, поэтому лечение шло медленно. Из разговоров с ним узнал, что против «Смятения Духа» можно применять сразу несколько контр-озарений.

В первую очередь, конечно же, «Ясность Мышления». Это озарение не давало волнам ужаса изменить твою личность, сделав из храброго небесного воина тварь дрожащую. Но это озарение нужно использовать до того, как на тебя навалится «Смятение Духа», после оно уже не сработает должным образом.

Если ты уже под воздействием, но хотя бы иногда понимаешь, что к чему, то «Смятение Духа» блокировала «Закалка Духа». При условии, что она будет на ступень выше. Когда озарения оказывались одной ступени, то их противостояние решала разница в толщине, твёрдости и длине Линий Духа и Морального Права соперников.

Так же наведённый страх блокировало «Наведение Сна». Достаточно поспать пару минут, заверил Маур, и смятение исчезало. Правда, совершенно не понятно, как применять эту защиту в условиях поединка. А вот в большой битве, когда противник применил массовое «Смятение Духа», можно отвести перепуганных бойцов в укрытие и дать им проспаться.

В моём случае все эти контр озарения не помогли бы, так как «Смятение Духа», насланное на меня врагами, не было вовремя остановлено или уменьшено. Оно поглотило меня полностью и пустило глубокие корни в моей психике.

Наконец было то озарение, которым Маур лечил меня. Я возмутился, почему Ронгоа держат его узоры в тайне?

– Если мы разгласим свои скрытые озарения, то зачем мы

будем нужны? – возразил Маур.

– Всё равно обидно. Я мог бы не подвергаться этой пытке.

– Моё скрытое озарение тебя не спасло бы, – обнадѣжил Маур. – Моё Моральное Право намного ниже того, кто напустил на тебя «Смятение Духа».

– Но как быть, когда начнётся родовая война? Отряду Маджи понадобится защита до того, как они перепугаются до смерти...

– Не переживай, если начнётся родовая война Патунга и Кохуру, «Смятение Духа» будет использоваться намного реже, чем «Удар Грома», «Порыв Ветра» или другие боевые озарения.

На следующий день Маур Ронгоа продолжил психологическую терапию. Убедил меня, что силы старших Кохуру были вовсе не такие безграничные, как мне показалось под воздействием «Смятения Духа». Победить всех троих я не смог бы, но вполне мог бы грохнуть одного и сбежать.

– Как говорил мой дедушка, ныне ещё живой Каро Ронгоа, «Смятенный духом – это уже побеждённый».

На четвёртый или пятый день я понял – всё кончилось. При воспоминании о пережитом кошмаре у меня больше не дрожало сердце, а только вздымалась ярость. Теперь Кохуру окончательно мои враги. Я миллион раз поклялся себе, что сделаю с каждым из троицы то, что они сделали со мной.

Стыдился ли я того, что временно превратился в трясущееся от страха и визжащее желе? Не совсем. Маур научил

меня воспринимать воздействие «Смятения Духа» так же, как кровотечение или ушиб.

– Нужно ли стыдиться кровотечения в бою?

– Конечно, нет.

– Так же и со «Смятением Духа», Самиран. Оно оставляет на Духе след, как ушиб на теле. Всё, что ты говорил или визжал – было кровотечением. Ушибом. Повреждением Духа. Нельзя укорять себя за это.

Я радовался этому объяснению. Но задумался: а как бы я повёл себя, если бы мой страх нельзя было списать на «Смятение Духа»? Принял бы стойко испытание кастрацией?

Наверяд ли.

Но не будь этого наведённого страха, я дорого продал бы свою жизнь.

Дни, проведённые в размышлениях о пережитом страхе, не просто разозлили меня. Ещё научили, что нельзя верить в заявления старших о чести и традициях.

Ведь как получалось: типа, убивать гостя, призванного ларцом дружественного дара, никак нельзя, но если всё-таки сильно надо – то убивай. Воровать грани умерших – ай-яй-яй, как можно! Фу таким быть. Но если ты член Совета Правителей, то так уж и быть – воруи. Заодно отбирай врождённые грани у подростков, прокачивая своё Моральное Право.

Я столкнулся с высшим обществом прирождённых жите-

лей, и это столкновения меня едва не убило. Как и в мире Дениса Лаврова, самые славные и светлые господа оказались самыми жестокими и лживыми. И если все дивианцы парили над низкими, то старшие славных родов парили над дивианцами. Вот и гадай, была ли эта иерархическая матрёшка задумкой Создателей или люди сами всё испоганили.

Нельзя отрицать, что представления о чести и честности были у большинства окружавших меня дивианцев, пусть и искажённые фашистским патриотизмом.

Славные воины умирали во славу Дивии и не нарушали её заповеди и законы. Даже болван Хаки, воспитанный небылицами папаши, в любой момент готов проявить самоотверженность, не думая о собственной жизни. Но в высшем обществе Дивии сложились свои отношения. Запутанные игрища славных родов запросто могли сделать меня случайно жертвой. Как они уже сделали Самирана, у которого Кохуру едва не отобрали грани. И если бы загадочная посторонняя воля не заменила сознание Самирана моим, то парень присоединился бы к числу обобранных несчастных, утеревших все грани.

Так и сейчас.

Если бы не смелость Маджи, которая привела к воротам Кохуру весь отряд, то старшие Патунга проглотили бы моё убийство. А если бы Кохуру потом ещё и извинились, то вообще замяли бы и забыли сие мелкое недоразумение между двумя славными родами.

Я понимал, как мыслили старшие Патунга. Узнав, что меня убили или покалечили во дворце Кохуру, сказали бы: «Этот малец сам полез в логово Кохуру, хотя мы и обласкали его и дали ему первое место в отряде. Пусть теперь страдает, пусть стучит по стенам своим деревянным членом».

Как же я благодарен Мадже! Если бы Кохуру не выдали меня, она атаковала бы дворец. Небесные воины Кохуру, конечно, справились бы с нашим отрядом за минуту, но после этого уже нельзя было бы спустить всё на тормозах. Война началась бы немедленно и длилась бы до тех пор, пока один род не одолел бы другой. Или оба сгорели бы в топке вражды, уступив роду Поау место самого старшего в сословии.

Тем сильнее я захотел отомстить Кохуру. Я в очередной раз стал немного большим дивьянцем, чем был – я страстно возжелал начала родовой войны между Кохуру и Патунга.

И мне было плевать, что сами Патунга и Кохуру вели себя осторожно, не давая мелким поводам спровоцировать полномасштабное противостояние.

Нерешительность славных воинских родов легко объяснялась. Все родовые противостояния должны иметь не просто веский довод, но и красивый повод.

В своё время Саран и Те-Танга схлестнулись ради места в Совете Правителей – очень красивый повод. Старшие обоих родов набрали одинаковое Моральное Право, а по закону, когда у претендентов на членство оказывалась одинаковая толщина Морального Права, то никто из них не получал

место, оно пустовало, пока один из претендентов не обойдёт другого. Тогда оба рода решили не ждать, когда соперник их обойдёт, и почти одновременно напали друг на друга. Привело это к ослаблению обоих родов и мирному договору с женитьбой детей.

Война славных родов из-за меня, какого-то там Саран, – повод некрасивый и глупый.

Другая причина, по которой Патунга и Кохуру осторожничали – Гуро Каалман. Негласный верховный правитель Дивии резко против родовых войн. Могучие военные просто-напросто боялись его и его союзников. Хотя открыто этого не признавали.

Не знаю как именно, но, кажется, Безумный Гуро мог создать трудности для обоих родов.

У меня возник закономерный вопрос: раз Гуро такой противник войн, то почему он не наказал животноводов Карехи за то, что те напали на конкурентов из рода Кхарт, а потом не наказал Кхарт, за то, что те вырезали Карехи?

Поразмыслив догадался, причина – в наёмниках.

Можно сказать, что наёмники были неофициальным сословием Дивии. Старшие этого сословия не заседали в Совете Правителей. Они не отдавали своих детей на учёбу в Дом Опыта. А в Прямом Пути появлялись исключительно в качестве обвиняемых. Даже за благоволениями ходили в храмы на Ветроломах.

Эта социальная страта Дивии жила отдельно от остально-

го населения.

Наёмники добровольно поселились на Ветроломах не из-за бедности, как остальные жители этих окраин, а чтобы быть как можно дальше от официальной власти Дивии.

Поэтому непонятно, кого привлекать за нападение на Карехи? Всех наёмников наказать невозможно, а найти именно тех, кто напал на Вакарангу Карехи тоже проблематично – наёмники лучше всех на Дивии скрывали свою личность.

И если рода и семьи сословия Защищающих Путь воевали друг с другом сами, то остальные рода и сословия привлекали наёмников. Собственно, именно так это сословие и появилось: кто-то должен был воевать за тех, кто воевать не умел.

Итак, я не только не против, чтобы Патунга и Кохуру начали воевать, а буду одним из горячих сторонников конфликта. Я должен приложить все усилия, чтобы айсберг Патунга утопил «Титаник» Кохуру.

Горящее от унижения сердце требовало начать эту войну прямо сейчас.

Я позвал в комнату Танэ Пахау и подробно рассказал о всём, не утаивая ни одной позорной детали. Старик был единственным на Дивии, с кем я мог говорить открыто.

Ожидаемо, он воздел кверху руки и запричитал:

– Ослепи меня свет Луны! Ты, юноша, всё ещё занима-

ешься не тем, чем надо.

– Вы опять о спасении Дивии?

– Только этим и должен быть занят твой ум.

– Мой ум может быть занят многими вещами.

– Отговорка!

– Как месть Кохуру мешает мне спасти падающий город?

Город который, позвольте мне отметить, не падает, а преспокойно себе летает.

– Отговорки, отговорки...

– Учитывая, что мы ничего не знаем о причинах падения летающей тверди, то можно предположить, что война с Кохуру и поможет спасти её.

– Это как ещё? – удивился старец.

– Вдруг это Кохуру нечестным путём обрели полную власть в Совете Правителей и направили Дивию вниз?

– Чепуха. Славный род никогда не поступит так с родинной.

– А я и не говорю, что они специально это сделали. Что если из-за воровства граней и Морального Права что-то сломалось в Нутре или Сердце Дивии? Что если...

– Прекрати сочинять, юноша, – отмахнулся старец. – Ты готов на любые домыслы, лишь бы увязать свой долг по спасению Дивии с бессмысленной войной с Кохуру.

– Вот именно. Как вы думаете, с чего мне начать?

Я ожидал, что старец снова отмахнётся: мол, мне плевать, чем ты занят, если не занят спасением Дивии. Но он удивил.

– Лучшее, что ты можешь сделать – это беззаветно служить Патунга. Они дали тебе первенство в отряде. В твоей власти собрать отряд, который станет победоносным в грядущей родовой войне.

– Которую оба рода не очень-то хотят начинать. Нужно подтолкнуть их. Как-нибудь рассорить посильнее...

– О, за это не переживай. Кохуру и Патунга без всякого подталкивания обязательно столкнутся в борьбе за власть в Совете Правителей.

Я догадался:

– Это произойдёт после смерти Гуро Каалмана?

– Скорее всего – да. А до этого времени тебе надо посвятить свои силы служению славному роду, от имени которого ты низвергнешь Кохуру.

Далее старец рассудил ещё более здраво: мне необходимо завершить обучение в Доме Опыта и усвоить ещё несколько озарений. И, конечно же, нужно научиться соединять грани в кристаллы.

Я напомнил старцу, что у меня есть главный козырь против Кохуру – знание об их читерстве.

Танэ Пахау и тут дал хороший совет. Сказал, что козырь нужно правильно подготовить. Если я сейчас расскажу о нём Патунга, а те побегут с обвинением в Прямой Путь, то нужно ожидать, что Кохуру будут защищаться. Первым делом дискредитируют источник этой информации, то есть меня. И лучше всего это сделать с помощью обвинения в демонизме.

— Дедушка, — сказал я, — давненько я не получал от вас столь дельных советов.

— Пока ты, вместо того, чтобы радеть о спасении летающего города, месил грязь в низких царствах, я время не терял. Пришлось снова вникнуть в дела Совета. Разведаль, какие рода занимают места в нём, кто с кем дружит, а кто нет. С времён моей молодости многое изменилось. Безумный Гуро, учителя и торговцы захватили всю власть, у людей больше нет свободы. Вот в мои времена всё было лучше. Была свобода. Хотя Гуро уже был немолод и уже заседал в Совете...

Я прервал воспоминания старца. Поблагодарил и выводил из комнаты.

Прежде чем использовать компромат, необходимо обезопасить себя. То есть выяснить, демон я или кто. И если да, то какой вид демона? Просто псих или из тех, кого сбрасывают в грязь?

Пора провести обещанный маме Самирана обряд определения демонической сути. Или как он там назывался.

Для осуществления обряда я должен уговорить Реоа, чтобы она пропустила меня в зал скрижалей её рода. Помнится, она уже почти устроила это, но я провёл время с Нау.

Никому в отряде я не раскрыл подробностей того, что именно произошло во дворце Кохуру. Никто не знал, как я валялся в ногах у Кохуру, плакал и молил убить меня. Для

отряда я снова стал немного героем, который смело вошёл во дворец Кохуру, дабы бросить отказ от их даров прямо в их лица.

Но главной героиней стала Маджа. Девушка наконец-то могла гордиться своим славным делом, а не пользоваться той славой, которую её отряду обычно приносил я.

Даже Экре Патунга поцокал языком:

– Это был смелый, но безрассудный поступок, сестра. Если бы Кохуру напали на вас, от отряда остались бы только воспоминания и жажда мести в наших сердцах. Но я всё равно в восхищении. Вот тебе, сестричка, решающая заслуга в знак воинской принадлежности.

Как бы я ни был благодарен Мадже, но не стал отказывать Реоа, которая тут же перешла в мой отряд. Вторым беженцем из отряда Маджи – внезапно! – стал Инар Сарит. Даже не спрашивая, что сподвигло его на такое решение, назначил его вторым старшим.

На нём перебежчики закончились. Никто не хотел терять место в отряде Патунга, чтобы войти в отряд какого-то там Саран. Я попробовал заниматься рекрутингом в других отрядах, но и там никто не согласился.

Последнее, на что я рассчитывал – это на пополнение из новичков Дома Опыта. Но, подозреваю, даже они не будут гореть желанием войти в отряд какого-то там Саран. Пусть он и служил славному роду Патунга.

Вернувшись с поисков правды, мы возобновили занятия

с учителем Гианом Атти, но я уже не интересовался его рассказами об истории земли и неба – слишком многое пережил и увидел своими глазами, тогда как этот учитель, как многие другие учителя и прирождённые жители, ни разу не покидал летающую твердь. О реальной жизни низких Гиан Атти знал примерно столько же, сколько ач-чийские служители храма Высших знали о змее по имени Див и летающих коровах.

И если в первые дни учёбы я тратил много времени на уроки истории, то теперь сосредоточился на тренировках. После стычки со старшими Кохуру осознал, насколько я ещё слаб. Мои Линии тонки, а навыки в использовании озарений чуть выше базовых. Для войны с низкими этого достаточно, но для противостояния с высшими – нет.

После выздоровления меня снова вызвали во дворец Патунга. На этот раз без всяких церемоний и ларчиков. Я пересказал старшим всё, что подслушал у Кохуру. Большая часть моего донесения не удивила Котахи Патунга, он и так всё это знал. А вот переманивание на свою сторону род Поау – заинтересовало.

– Поау не хотят в союз ни с нами, ни с Кохуру, – сказал он. – Но уверенность Кохуру в том, что они могут соблазнить чем-то Поау, вызывает опасения. Что бы это могло быть?

Я знал, чем Кохуру заманивали Поау – обещанием быстрой прокачки Морального Права. Но рассказать об этом, не

выдав своего демонического происхождения, не получится. Пришлось промолчать.

Потом Котахи Патунга и другие старшие быстренько провели церемонию посвящения меня в союзники. Я поклялся самыми страшными клятвами, что буду защищать род Патунга так же, как Дивию. Торжественно пообещал, что отныне интересы и устремления рода Патунга на Всеобщем Пути станут моими интересами и устремлениями.

В заключение мне выдали сундучок, заполненный большими золотыми треугольниками – казна для развития отряда. Покупка амуниции, одежды и кристаллов отныне на мне.

Маджа пояснила мне, сколько жалования и с какой периодичностью нужно выдавать бойцам. И почему платить надо даже тем, кто происходит из богатых семей. Она же научила вносить записи в знак воинской принадлежности моих воинов.

– По себе знаю, как тяжело искать бойцов в отряд, – покачала головой Маджа. – А теперь знаю, как тяжело терять людей, ушедших в другой отряд. Мне в своё время хорошо помог Хаки, а вот кто поможет тебе?

6. Магические микросхемы и методы борьбы с депрессией

Мой отряд получил комнату в казарме, а на место для приземления акрабов вернулся тот старенький акраб, на котором когда-то летал отряд Маджи.

Ни Реоа, ни Инар не умели управлять акрабом, и заявили, что не собираются учиться этой ерунде. Пришлось самому сесть за панель.

Три дня подряд я только и делал, что тренировался с учителем Дома Опыта. Достаточно изучил искусство вождения акрабов, чтобы понять – водить акрабы мне тоже не нравится.

Управление боевым акрабом отличалось от грузового или пассажирского. Боевые водители должны маневрировать на более высоких скоростях, для чего нужно хорошо понимать габариты, вес и возможности твоего экипажа. Так же водители должны уметь использовать бортовое оружие – штыри, которыми пробивали вражеские акрабы.

На моём летающем сарае не было ни штырей, ни скорости, ни, тем более, манёвренности. Пытаясь справиться с неповоротливым и непослушным акрабом, я заново оценил мастерство Ио Вареки. Ведь однажды этот парень умудрился

подхватить меня во время падения.

Я не собирался становиться асом летающих сараев. Но для полноценного акрабовождения требовалось озарение с неуклюжим названием «Совокупность Направлений». Пришлось усвоить его на мерцающей ступени.

Само по себе озарение ничего не делало, а лишь связывало во Внутреннем Взоре кристаллы в гнёздах акраба. В данном случае кристаллы «Лёгкости Воздуха» и «Порыва Ветра», установленные в гнёзда экипажа. Первый отвечал за подъём экипажа, а второй за направление движения.

Следующим необходимым для водителя озарением было «Отталкивание Вещества». С помощью него менялась толщина так называемых «силовых жил», которые соединяли гнёзда кристаллов между собой.

Эти озарения – база для погонщика акрабов. Но были и варианты. Как я узнал от учителя, некоторые водители вместо «Порыва Ветра» ставили в гнёзда «Проворство Молнии», которые придавали акрабу немного больше скорости. Такую связку озарений использовали только в акрабах небольшого размера, практически одноместных болидах, большие просто разваливались, не выдержав силы движения.

Я в очередной раз подумал, что сотворили бы с магией Двенадцати Тысяч Граней инженеры из времени Дениса Лаврова! Для них не проблема создавать сверхпрочные сплавы, выдерживающие выход в космос, чего уж там гово-

рять о полётах в атмосфере. Они умели это и без всякой магии.

Странно, что загадочные предшественники жителей Дивии, построили громаду летающей тверди, но почему-то не смогли создать крепкие летающие машины. Это ещё один факт в копилку фактов того, что Дивию построил кто-то, кому не нужны никакие летающие сараи.

Акрабы – это продукт творчества нынешних дивианцев.

Ведь что есть акраб? Просто развитие идеи крытой повозки: вместо волов по земле её тянут озарения по воздуху. Если на место дивианцев поставить ач-чийцев или лесной народ, то их уровня развития хватит ровно настолько же: построить кибитку и воткнуть в неё кристаллы озарений. То, что дивианцы умудрились связать эти гнёзда силовыми жилами, примерно так же, как это сделано в Нутре Дивии, уже великий технологический прорыв.

Мне доводилось видеть акрабы в разобранном виде. Я знал, что силовые жилы сделаны из небесного стекла с дополнительными линиями какого-то металла. Само собой, что детали сплавов и «разводки» силовых жил были секретами акрабостроителей.

Управление акрабом сводилось к деревянной панели, под которой, как я выяснил, скрывалось что-то вроде микросхемы, если можно так сказать. Металлическая пластина, с вдавленными в неё трубочками из небесного стекла, в миниатюре повторяла схему разводки силовых жил и гнёзд в са-

мом акрабе. То есть погонщик акраба, водя по панели руками, как бы управлял некоей воображаемой и сильно уменьшенной моделью акраба.

В первый самостоятельный полёт я заметил, что управление дивианским акрабом происходило примерно так же, как управление каменной башней низких. Только вместо непослушных верёвок – удобная сенсорная панелька. Вместо силы, с которой надо дёргать верёвки, нужно через «Отталкивание Вещества» менять толщину силовых жил. Чем толще, тем выше ступень озарения использовалась в кристалле, тем лучше манёвренность и скорость. Но расход времени работы озарения и кристаллов тоже увеличивался. Кроме кристаллов, само собой, расходовались и Линии водителя акраба.

После длительного использования, из-за постоянного применения «Отталкивания Вещества», происходила деградация силовых жил и гнёзд для кристаллов, акрабы теряли управляемость и ходкость. Воздушные и озарённые материалы, используемые в постройке их остова, тоже теряли свою летучесть со временем.

А так как именно силовые жилы, гнёзда и летучие доски были самой дорогой частью акраба, то никто не занимался их заменой. Старые акрабы или разбирались, или их продавали низким, для которых даже едва поднимающийся над землёй сарай был чудом.

Расспросив учителя, я убедился в моём предположении: много поколений назад первые небесные дома дивианцев то-

же управлялись верёвками. Просто магическая наука Дивии, пусть медленно и туповато, но двигалась вперёд. Вместо вожжей появились некие железные прутья, соединённые с гнёздами. Потом прутья поменяли на трубки, а потом уже кто-то догадался и сделал первую «микросхему». Управление стало более точным и отзывчивым.

Воздушные корабли даже небольшого размера строились долго и были штучным товаром. Дивия ещё ждала своего Генри Форда, который сделает первый массовый и относительно дешёвый в производстве акраб. Если такое вообще нужно, ведь для удовлетворения потребительского спроса хватало и кустарного производства.

Я увлёкся созданием собственного отряда, но о главном деле не забыл. Я ежедневно донимал Реоа требованиями пропустить меня в хранилище скрижалей её рода. Она отказывалась, ссылаясь на невозможность такого поступка.

– Но ведь раньше ты сама предлагала мне это.

– Раньше я была молодая и глупая, – пропищала она.

– Но ты же обещала. Я думал ты, славная дочь славного рода, держишь слово... Но раз таков твой Путь обмана...

Реоа злилась и отмахивалась, мол, ладно, когда можно будет – позову. Но дни шли за днями, а она всё не звала. Я даже подумывал о том, что придётся обойтись без демонического обряда. Что нужно мстить Кохуру другим способом, без то-

го, чтобы раскрывать тайну их Морального Права.

Однажды, когда я бродил по площади Дома Опыта, выискивая новичков, которых можно заманить в отряд, ко мне подошла Реоа.

– Ты победил, – замогильным голосом произнесла она.

– Это хорошо. Но в чём?

– Сегодня ночью я проведу тебя во дворец дедушки Каро.

Внутренний Голос напомнил мне, что Каро Ронгоа был тем самым старцем, который изучал и коллекционировал в скрижалях случаи демонической одержимости, которые поражали дивианцев на протяжении многих поколений. Я предполагал, что некоторые из этих случаев были такие же попаданцы, как я.

Важнее же всего то, что в его скрижалях содержались описания озарений и гроздей, необходимых для проведения надо мной обряда определения демонической сущности. Некоторые озарения, как я понял, являлись тайной рода Ронгоа.

– Но это будет последнее одолжение, которое я тебе делаю, Самиран. Отныне я только выполняю твои приказы в отряде, но вне отряда: я – Ронгоа, а ты – какой-то там Саран.

Бог знает, что она хотела сказать этим, но я уже уяснил, что как бы Реоа не отбивалась от меня, сколько бы не пыжилась, ведя себя как знатная девушка из славного рода, но я всё равно брал верх.

Реоа ничего не могла поделать с чувствами ко мне. Уверен, если я попрошу ввести меня прямо в спальню её роди-

телей, она много раз и с негодованием откажет, назовёт меня бесславленным и вообще дураком, а потом замогильным голосом, срываясь на писк, сообщит, что пора идти в спальню её родителей.

Главное не переусердствовать и не привыкать пользоваться её расположением. Хотя иногда казалось, что моя наглость удивляла Реоа и влекла ко мне ещё сильнее.

Условившись о месте и времени встречи, расстались.

Теперь мне предстояло посетить маму Самирана и сообщить ей о предстоящем обряде. Ведь проводить его должна будет она.

Я сидел на подушках в зале родительского дома и ждал появления Мадхури Саран. Живо вспомнил мой первый приём пищи в обществе родителей Самирана. Ещё живее припомнил те дни, которые я провёл в одиночестве во время шторма. Как меня напугал Слуга с ножом. А заунывная песня Служанки до сих пор отдавалась в сердце ощущением чего-то древнего и страшного.

Можно сказать, что это были мои «детские воспоминания» о родительском доме.

– Ага, вот кто нас наконец-то навестил, – сказал папа Самирана, входя в комнату.

Я привстал и слегка поклонился.

Похар Те-Танга сел напротив меня. Служанка поднесла

нам кувшинчики с ароматной водой.

После ухода из семьи я почти позабыл о папе Самирана. Похар Те-Танга не одобрил мой выбор Пути. И тем более не одобрил выбор рода. Те-Танга и сословие Поддерживающих Твердь больше не искали способа привлечь меня в свой род и сословие.

Род Те-Танга хотя бы не проявил своего открытого неудовольствия и враждебности ко мне, чего нельзя сказать о Саран. Те немногие Те-Танга, которых я встречал, относились ко мне без откровенной вражды. А вот Саран старались уязвить меня любим, даже мелочным способом.

Они сделали для меня бессмысленной покупку кристаллов целительских озарений. Все торговцы на рынках, даже те, которые не входили в сословие Возвращающих Здоровье, при виде меня задирали цены на кристаллы исцеления так, что даже одноразовые и незаметные «Мягкие Руки» стоили десятку тысяч граней.

Поэтому я перестал покупать целительские кристаллы самостоятельно. Пользовался теми, что покупала Реоа для всего отряда.

Само собой, это целительское «эмбарго» распространялось и на услуги всех состоявших в сословии целителей города. Так что если мне когда-нибудь всё же отрежут голову, а Реоа не окажется рядом, то не стоило рассчитывать на помощь целителей. Узнав, кто «хворый», они тут же придумали бы причину, по которой не смогут приклеить голову об-

ратно. Целители Дивии не связаны клятвами или врачебной этикой. Они такие же торговцы своими озарениями, как и все на летающей тверди.

А сословие Возвращающих Здоровье планировало наказать меня ещё сильнее. Не обращая внимания на мои героические заслуги.

Как я узнал от Реоа, род Саран провёл переговоры с торговцами недвижимостью, родами Кетра, Киналла, Ванау и остальными, чтобы те перекрыли мне возможность покупки домов и земли. Даже предложили выкупить мой домик в Восьмом Кольце по троекратной цене. Они планировали выселить меня на Ветроломы. И у них это почти получилось, но старшие рода Патунга остановили их, так как я состоял в отряде Маджи, что как бы защищало меня от слишком борзых наездов.

Тем не менее, однажды, в те дни, когда я был на поисках правды, на нашей улице появился сборщик налогов и объявил Танэ Пахау, что с сегодняшнего дня плата за пользование землёй для домовладельца Самирана из рода Саран повышется в два раза.

Не так уж много, но всё равно ощутимо и обидно. Ведь остальные жители на нашей улице платили столько же, сколько и раньше.

Рассказав о повышении налога, старец Танэ Пахау предложил подать жалобу в Прямой Путь, но я стиснул зубы и согласился платить. Лишь бы не дать роду Саран повод отвлечь

меня на мелочную войну. Кроме того, я редко жил в этом доме. Когда я в казармах или вообще в низких царствах, то неуязвим для укулов обиженного на меня рода.

Мелочность и мстительность Саран не удивляла. Все див-ианцы жили на одной летающей тверди. Все постоянно сталкивались друг с другом в житейских передрягах, а семьи, рода и сословия постоянно вели с собой вялую борьбу, которая изредка вспыхивала и превращалась в родовые или сословные войны.

Дивия – что-то вроде летающей коммуналки или общежития, жители которого вынуждены постоянно взаимодействовать, даже если ненавидели друг друга.

Я и Похар Те-Танга некоторое время молча пили воду.

Похар сказал:

– Ты принял род Саран, но не оставил своих тайных шушуканий с матерью. Я очень расстроен тобой, сын. Мне очень больно. Почему ты так поступил со мной?

Не сказать, что я чувствовал вину перед Похаром Те-Танга. Как ни рассматривай – я не его сын. Но приличия обязывали сокрушённо склонить голову и печально ответить:

– Клянусь всеми Создателями, отец, у меня не было намерений сделать тебе больно. Но таков Путь.

Волшебная и тупая фраза сработала.

– Это верно, верно... Но всё же как-то неуютно. Мой

род понёс большую утрату от того, что ты не стал Те-Танга. Ты мог занять важное место в сословии Поддерживающих Твердь. Ты усвоил бы наши скрытые озарения. Всё Нутро Дивии раскрылось бы перед тобой, как... как... как не знаю что. Как шкатулка, полная золота.

– Я понимаю свою потерю, отец. Но род Саран тоже не получил меня. Я стал воином, а не лекарем.

– Это немного меня радует.

Чтобы сменить тему, я спросил:

– Пап, раз Саран и Те-Танга заключили перемирие, скрепив его женитьбой детей, то почему это не помогло нашим родам вместе зарабатывать власть, богатство и влияние?

Папа Самирана махнул рукой:

– Наши предки заключили перемирие для того, чтобы перестать убивать друг друга, а не для того, чтобы помогать жить.

– То есть наши рода всё так же, каждый сам за себя?

– Это ты верно подметил, сын.

– А мой отказ стать Те-Танга не упраздняет договор?

– Нет. Родители и старшие родов условились, что выбор рода будет за ребёнком. И я проиграл битву за тебя.

– Тогда, отец, зачем ты винишь меня в выборе? Быть может, это тебе стоило бы сильнее убеждать меня в выгодах принятия рода Те-Танга?

– Да как ты смеешь такое говорить? Я всю жизнь уважал тебя, давал свободу. Даже договорился о женитьбе на дочери

самого Вакаранги Карехи!

– Уже давно мёртвого, отчего не столь могущественного, как при жизни.

– Это верно, – сник Похар Те-Танга. – Быть может, ты и прав. Я оказался плохим отцом. Я не оправдал надежды своего рода и сословия. Ты даже лицом ничуть не похож на меня...

Кажется, эта подозрительная несхожесть давно мучила Похара. Но опять же, жалости к нему я не испытывал. Мне вообще было не до его кризиса среднего возраста. Пусть борется с ним, как дядьки в моём мире – купит себе золотой акраб-кабриолет, оденется в тунику помоднее и участвует в гонках, которые организуют молодые и богатые дивианцы. Может, подцепит там юную дивианку, годящуюся ему в дочери.

– Ты был нормальным отцом, – попытался утешить я. – И остаёшься им. Как там вообще дела рода Те-Танга?

– Лучше, чем раньше, – вздохнул Похар. – И всё без моего участия.

Папа рассказал интересную новость: его младший брат смог женить своего сына на Виви Карехи, заключив тот самый долгожданный союз родов Те-Танга и Карехи.

Внутренний Голос напомнил мне, что мужем Виви стал тот парень в круглой шапочке, который когда-то отказался платить дань Хаки.

– Я должен был стать тем, кто сделает союз возможным, –

всхлипнул Похар. – Но я провалил поручение моего рода. Я не смог поженить тебя и Виви.

По словам папы, теперь его брат занял более высокое положение в роде Те-Танга и в сословии Поддерживающих Твердь. Он вообще стал одним из советников Карапу Карехи. У Те-Танга и Карехи появились какие-то тайные дела, в которые Похара никто не посвятил.

– Моя жизнь не оставит новых следов на Всеобщем Пути, – с надрывом признался Похар Те-Танга. – А те, что были, затираются следами других людей.

– Не отчаивайтесь... Ещё есть время наследить.

– Я упал и больше не могу идти наравне с моими сородичами.

– Ничего, подниметесь.

– Нет, сынок. Я могу только ползти в грязи, безо всякой надежды догнать тех Те-Танга, которые смело шагают вперёд.

– Всегда есть надежда, что... чтобы... – я не придумал, какая ещё надежда есть у этого несчастного человека и замолчал.

– Мой младший брат обошёл меня, наступив мне на спину, – снова всхлипнул папа.

Видимо, дороговизна алкоголя и сложность его покупки удерживали Похара Те-Тангу от того способа борьбы с депрессией, к которому обращались все провалившиеся по жизни пятидесятилетние мужчины России – забухать по-

чёрному.

Но мне надоело искать слова поддержки для депрессивного папаши. Своих забот хватало. Сегодня мне предстояло узнать, кто я: выдумка безумного Самирана или же демон, занявший его тело?

При этом оказаться выдумкой было даже предпочтительнее. Ведь за подтверждённый демонизм меня могут отправить в Прямой Путь. А оттуда на казнь или в ссылку.

В зал вошла Мадхури Саран. Я даже и забыл, насколько она была прекрасна. Пусть эта красота была «натяжкой» озарения «Молодой Образ».

Папа Самирана встал и ушёл, не сказав мне на прощание ничего ласкового.

Мадхури спросила:

– Когда?

– Сегодня ночью. Ждите меня в доме на Восьмом Кольце. Она кивнула.

Объяснив, как добраться до моего жилища, я покинул родительский дом.

7. Дворец для мужа и судьба для сына

Как положено богатому и славному роду, Ронгоа занимали своими домами, дворцами и парками целую улицу. Правильнее сказать не улицу, а сформировали что-то вроде родового посёлка, города в городе. Примерно в центре этого поселения раскинулась круглая и довольно большая площадь с единственной статуей в её центре, само собой – Первому Ронгоа.

Статуя выполнена из золота, серебра и крашеного небесного камня с той же дотошной гиперреалистичностью, как статуя первого Карехи, которую я когда-то я отмывал.

Высотой изваяние было метров десять, и изображало старца в многослойном халате с широким поясом. На поясе – висели настоящие шкатулки, покачивающиеся на ветру. На голове старца высилась цилиндрическая шапка с иероглифами рода Ронгоа.

Похожие шапки, я видел, надевали многие Ронгоа, один раз даже носила Реоа, но ей она совершенно не шла, и постоянно соскальзывала с головы. Впрочем, этой девушки не шли никакие шапки: всё-таки красивые волосы, особенно, когда уложены косичками по бокам головы, хоть как-то укра-

шали её лицо, всё ещё отчаянно похожее на голый череп.

Статую окружали высокие столбы с круглыми светильниками на расширяющейся верхней части. Такие же столбы расставлены по обочине площади, заливая её слегка мертвящим синеватым светом. Между столбами стояли сверкающие золотом иероглифы, каждый метра в три размером, которые складывались в надпись:

СИЯ ПЛОЩАДЬ ЗАДУМАНА И ПОСТРОЕНА
МАСТЕРАМИ ИЗ СОСЛОВИЯ ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ
ТВЕРДЬ ДЛЯ СЛАВНОГО РОДА РОНГОА.

И НОСИТ НАЗВАНИЕ «ПЛОЩАДЬ ЦЕЛИТЕЛЕЙ».

Название было несколько необычным, ведь чаще всего такие площади нарекались в честь рода. Но Ронгоа решили выпендриться скромностью и назвали площадь так, будто кроме Ронга никаких других целителей на Дивии не было. Мол, иероглиф «целители» и «Ронгоа» – это одно и то же, просто разные начертания.

Подобные площади в центре родового поселения имелись у многих родов и являлись общественным местом, то есть открытыми для посещения. Изредка рода накладывали на посетителей ограничение, не пуская или людей из враждебного рода или семьи, или вообще всех, кто Моральным Правом не вышел. За соблюдением ограничений следили небесные стражники.

На площадь выходили фасады родовых дворцов семей Ронгоа. Все без ограды, с открытыми входными арками. Кое-где вместо фасадов чернели тёмные пустыри, а кое-где недостроенные дома.

В одной части Площади Целителей высилась стандартная башня, указывающая на место для приземления акрабов. Сейчас там покачивалось два небольших блестящих золотом акраба, их длинные кили упирались в каменные плиты площади, словно ноги балерин. Казалось, что дуновение ветра повалит акрабы набок.

Из открытых овальных ворот экипажей торчали сходни, но не просто деревянные, а оббитые плотной, блестящей в свете синих фонарей тканью. На самих акрабах тоже сверкали мощные фонари, отбрасывая разноцветные тени.

В небе висел третий акраб и целился килем, выбирая место для посадки. Выше него – ещё несколько акрабов ждали своей очереди на приземление.

Группа богато одетых целителей, в основном из рода Ронгоа, но с примесью других родов, расположилась на коврах у статуи Первого Ронгоа. Расставив вокруг себя коробочки с едой и питьём, слушали речь какого-то очень пожилого мужчины, носившего такую же шапку, что статуя Первого Ронгоа.

Именно на этой площади Реоа назначила мне встречу. И я слегка недоумевал – почему? Раз мы собирались незаметно проникнуть в дом Ронгоа, то не будет ли глупостью торчать

на площади, где явно происходило какое-то семейно-сословное собрание целителей?

Реоа подкралась ко мне неслышно. Как она это частенько делала, провела ладонью по моему горлу и пропищала:

– А если бы у меня был кинжал?

Одобрительно оглядела мой «скрытный» костюм – длинную тёмную тунику и обмотки чёрной ткани на руках и ногах. Сама же она носила свой любимый кожаный набор разведчицы. Её тощие ноги тоже плотно обмотаны чёрной тканью. Окутывавший её шею кусок ткани служил маской, которую нужно натягивать на лицо и прикреплять к шапочке. После чего Реоа окончательно превращалась в слегка фризовольно одетого ниндзя.

– Ты не забыл нужный кристалл?

В ответ я молча щёлкнул по шкатулке на поясе.

К этому времени все акрабы приземлились, из них вышло ещё два десятка целителей разных родов и семей. Но Саран не было. Род Ронгоа всё ещё считал себя «отвернувшимся» от них. Людей возле памятника стало так много, что собрание походило на некий очень тихий митинг.

– Что за собрание? – спросил я.

– Чествование целителей, которые достигли больших успехов в лечении болезней глаз. Сейчас лучшее время, чтобы проникнуть в дом дедушки Каро Ронгоа. Все здесь собра-

лись.

– И дедушка тоже? Покажи его?

– Если мой дедушка не хочет, чтобы какой-то босяк из рода Саран знал его лицо, то я не вправе показывать его тебе.

– О, Создатели, как же я рад, что родился в роду попроще. Я могу любить того, кого хочу и могу не соблюдать дурацкие правила.

– Тебе смешно?

– Забавно, что ты соблюдаешь право дедушки Каро быть неузнанным мною, но при этом готова провести меня в хранилище его личных скрижалей.

– А мне забавно, Самиран, что ты смеёшься надо мной, при этом требуешь, чтобы я тебе помогла. Раз так, то я не поведу тебя в хранилище.

– Прости, прости, я – глупец.

Но я знал, что угроза Реоа – пустая. Я заметил, что ей самой интересно, зачем мне нужны эти скрижали?

Вопреки ожиданиям, Реоа повела меня не к самому дворцу Каро Ронгоа, а свернула к огороженному низким заборчиком пустырю, на котором белели недостроенные стены будущего здания. Судя по размерам стен – намного большего, чем дворец дедушки Каро.

Реоа шла впереди меня. Кивнув на стройку, сказала:

– Знаешь, что это будет?

– Новый дворец рода Ронгоа?

– Этот дом предназначен мне и моему будущему мужу.

– Муж уже назначен?

Реоа нервно повела плечами:

– Двое. Но старшие ещё не решили, кто станет избранником: мужчина из рода Тахика, который почти старик, ему почти два поколения, или мой дальний брат, который пока что ещё слишком мал, чтобы ложиться с женщиной.

– А ты кого бы выбрала?

Реоа злобно на меня посмотрела:

– Я бы тебя выбрала. Но ты глуп, ты не целитель и вообще – какой-то там Саран.

– Кстати, насчёт этого... А как долго род Ронгоа будет дуться на Саран?

– Пока они не возместят потерю молодого целителя.

– То есть – меня?

– Да.

– Целителей же полным-полно. Вон, целая площадь собралась. Даже среди младших учеников Дома Опыта их едва ли не четверть от общего числа. И я не единственный из рода Саран. Неужели то, что я стал воином, нанесло невероятный ущерб роду Ронга?

– Роду не нанесло, а вот сословию – нанесло. Ведь ты должен был изучить целительские озарения, которые тебе указали бы старшие моего рода.

Я заинтересовался:

– Это какие-то скрытые озарения сословия Возвращающих Здоровье?

– Да. И я не должна тебе это рассказывать.

– Но ты же расскажешь?

– Ты должен был усвоить гроздя озарений, исцеляющих старость.

– А что в них особенного?

– Работа с дряхлыми жителями трудная и грязная. Ты должен был бы вспарывать тела старцев, приблизившихся к порогу смерти, и вынимать их внутренние органы. Очистив их от скверны, ты должен был вдыхать жизнь в истлевающие члены и тем продлять жизнь старцев. И чем старше хворый, тем чаще нужно это делать. Иногда даже два-три раза в день.

– Реоа, – усмехнулся я. – Что-то мне подсказывает, что выражение «вдыхать жизнь» – это в прямом смысле?

Нехотя Реоа подтвердила:

– Озарение «Дуновение Жизни» через дыхание или дуновение передаёт часть своего здоровья хворому. Это озарение целители не любят.

– Из-за того, что приходится жертвовать собой и своим долголетьем ради других?

– Да. Поэтому им орудуют только молодые целители возрастом не старше поколения. На них оно не так сильно сказывается.

Ясненько, старшие сословия Возвращающих Здоровье хотели сделать Самирана из рода Саран целителем узкого профиля и послать на работу, которую сами Ронга и их отпрыски делать не желали. Ибо кому охота следить за умирающими.

ми стариками, пересобирать их тела и откачивать их дерьмо, давая им протянуть ещё день-другой? При этом время от времени необходимо дуть старикам в гнилую печёнку или кишки, тратя на это озарение свои молодые годы.

Хорошую же судьбу Мадхури Саран уготовила своему сынку! Она вообще в курсе, на что род Ронгоа хотел подписать Самирана?

– За отмывание старичков и старушек от скверны хотя бы хорошо платят?

– Очень и очень хорошо. Поэтому роду Саран было важно удовлетворить желание старших сословия и отдать одного своего отпрыска на это предназначение. Это возвысило бы вас среди других целителей в сословии.

– Как я рад, что стал воином. А что теперь будет с...

– Тс-с-с, тихо, – приказала Реоа.

Натянув на лицо маску, она присела и крадучись пошла к узорчатому забору задней стороны дворца Каро Ронгоа. Я тоже надел маску, купленную для посещения храмов, и последовал за девушкой.

У входной арки сидел на земле охранник. Судя по одежде и доспехам – недорогой наёмник. Род Ронгоа не вёл сейчас серьёзного противостояния с другими родами, поэтому не было необходимости нанимать многочисленную охрану.

Вооружён он был сарит-топором, а к тяжёлому на вид, ед-

ва ли не чугунному, нагруднику приделан светильник, освещающий стражника пятном синеватого света. Особой нужды в носимом фонаре нет, так как вдоль дворцовых стен тянулись столбы с яркими светильниками – богатые рода не сэкономили на освещении. Их дворцы сияли в ночи так, что этот свет складывался в синевато-сиреневое зарево, всегда полыхающее над Дивией.

Стражник-наёмник честно выполнял свою работу: не дремал, не играл, хотя поодаль лежала большая доска для «Двенадцати Озарений», но грозно вглядывался в тёмные пятна кустов и деревьев.

Оставив меня в тени кустов, Реоа стянула маску и вышла на дорогу. Не таясь, проскользнула в распахнутые ворота. Стражник признал в ней одну из хозяек и отошёл в сторону, предупредив:

– Господина Каро Ронгоа нет. Он на Площади Целителей.

Реоа остановилась и обратилась к нему с каким-то вопросом. Против обыкновения, она говорила тихо. Повернувшись к ней, стражник начал отвечать, в этот момент я перепорхнул через забор и взлетел на один из балконов дворца.

На балконы дивианских домов можно попасть беспрепятственно, даже решёток или ставен не было. То есть были – на этом балконе они стояли у стены, сложенные друг на друга. Глухие ставни закрывали окна и балконы во время очищающих бурь.

А вот двери, ведущие с балконов внутрь помещений, все-

гда запирались. В огромных дворцах почти всегда – автоматически.

В доме родителей Самирана дверями служили озарённые растения. В некоторых домах, особенно у богачей из сословия Поддерживающих Твердь, двери могли быть вообще на кристаллах озарений. Типа, «Отталкивания Вещества» или «Стены Воздуха». Ещё я слышал, что были двери, скорее даже врата, созданные из огромных и толстых скрижалей. Открывались они только после высекания на них определённой комбинации иероглифов. Такие сложные двери и врата редко применялись в повседневной жизни, ибо дорого и неудобно.

В большинстве домов, как во дворце Каро Ронгоа, двери были раздвижными. Без всякого волшебства запирались засовами.

Сколько я не скрёбся, сколько не нажимал на узорчатые завитушки – ничего не открылось.

Хорошо ещё, что дивианцы не догадались прикрутить к дверям какие-нибудь системы сигнализации. Иначе меня уже тащили бы в Прямой Путь за проникновение в чужое жилище.

Пришлось ждать, пока Реоа не поднялась на этот этаж и не открыла дверь с той стороны. Лицо её было слегка растерянным.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Конечно, случилось. Во дворец моего дедушки проник

вор!

– Ваши старшие должны внимательнее отнестись к безопасности жилища, – согласился я. – Теперь води меня в зал скрижалей. Мне не терпится украсть знания твоего дедушки.

Зал Скрижалей – это что-то вроде библиотеки. Точнее – скрижалетеки.

В домах сословий и дворцах старших имелись свои собрания скрижалей, не такие обширные, как в Доме Опыта, но зато они таили редкие знания, накопленные сословием или родом. Именно тут избранные представители сословия усваивали скрытые озарения или находили описания редких гроздей озарений.

Зал Скрижалей дворца Каро Ронгоа был большой и полупустой. Сверху – огромный купол с отверстием, закрытым ставнями. Даже наши тихие шаги отозвались эхом в этой пустоте.

Скрижали стояли вертикально, расположившись полукольцами. Каждое полукольцо – отдельный раздел знания. В отличие от общественных скрижалей Дома Опыта, скрижали дедушки Каро оформлены в богатые рамы, даже целые постаменты, украшенные традиционными иероглифическими узорами, из которых можно узнать содержание скрижали.

Некоторые иероглифы были мне непонятны, их значения тоже были тайной сословия Возвращающих Здоровье. Толь-

ко по отдельным элементам можно угадать смысл всего иероглифа, да и то легко ошибиться, так как элементы, скорее всего, использовались в метафорическом смысле.

Реоа подвела меня к одной скрижали. Из орнамента неизвестных иероглифов на золотой раме я выцепил понятные:

ДЕМОНИЧЕСКИЕ ОДЕРЖИМОСТИ И ИХ ОТЛИЧИЯ ОТ УМОПОМЕШАТЕЛЬСТВ И БОЛЕЗНЕННОЙ ПРИРОДНОЙ ДУРИ.

СИЯ СКРИЖАЛЬ СОДЕРЖИТ ВСЕ СЛУЧАИ ДУШЕВНОЙ ХВОРИ, СОБРАННЫЕ И ЗАПОМНЕННЫЕ ЦЕЛИТЕЛЯМИ ИЗ РОДА РОНГОА.

СИЯ СКРИЖАЛЬ ПРИНАДЛЕЖИТ РОДУ РОНГОА И ВСЯКИЙ ПОСТОРОННИЙ НЕ ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ ЕЁ СОДЕРЖИМОЕ.

НАРУШИВШИЙ НАШУ ТАЙНУ СТАНЕТ ВРАГОМ ВСЕХ РОНГОА НА ВСЕ ПОКОЛЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО ПУТИ.

Кажется, Ронгоа обещали не просто навсегда убить нарушителя, но и уничтожить весь его род.

Слегка испугавшись грозного предупреждения, я провёл по скрижали ладонью. Шорох быстро вылупляющихся на её

поверхности иероглифов заполнил пустоту зала. Реоа нервно оглянулась.

– Я... я не должна делать этого, – выдохнула она.

– Уже поздно. Если ты не хочешь, чтобы тебя поймали – уйди.

– Так и сделаю, – ответила Реоа и быстро пошла прочь.

– Встретимся на площади? – спросил я.

– Нет. Когда своруешь все знания, которые тебе нужны, просто уходи. И никогда не разговаривай со мной об этом.

– Договорились.

Реоа остановилась:

– И ещё, Самиран... Я надеюсь на твоё благородство и честность.

– Это ещё к чему?

– Пообещай, что не будешь смотреть в другие скрижали, кроме этой. Каро Ронгоа – хранит многие секреты сословия и рода.

– Обещаю, – искренне сказал я. – Хочешь, заключим клятвенную сделку?

– Если старшие узнают, что я ввела тебя в хранилище скрижалей, меня не спасёт никакая сделка. Кроме того, ты забыл? Я не слушаю Внутренний Голос, а без него клятвенная сделка невозможна.

Тогда я поклялся ей всеми пафосными фразами, какие мне на ум пришли, включая обещание, что «да разорвёт меня самый вонючий гракк, если я хотя бы подумаю, о том,

чтобы заглянуть в другие скрижали».

Реоа недоверчиво покачала головой, натянула маску и ушла.

А я достал из шкатулки светлый кристалл «Ясности Мышления» и пустил его грани по Линии Духа.

Мама Самирана предупредила меня, что если я хочу запомнить скрижали целителей, полные неизвестных иероглифов, то без «Ясности Мышления» – никуда. Только с помощью стимулирующего работу мозга озарения можно запомнить то, что не запоминает даже Внутренний Голос.

Ведь поглощение информации из скрижалей не могло идти бесконечно. Поэтому ученики Дома Опыта слабели и блевали, когда усваивали узоры озарений.

Мне предстояло запомнить не просто узоры одного озарения, но множество гроздьев озарений, большинство из которых мне вообще неизвестны. И это не считая подробного описания всех случаев демонического умопомешательства и прочей «природной дури», которую собирали целители рода Ронгоа.

Моему мозгу придётся буквально распухнуть. При этом я должен успеть донести мои знания до мамы Самирана до того, как «Ясность Мышления» потеряет силу. В противном случае я многое позабуду, и никакой Внутренний Голос не напомнит мне это.

Второго шанса попасть в хранилище знаний самого сильного целительского рода Дивии мне уже не предоставится.

8. Сорта демонов и сотни миллиардов игровых позиций

Я посмотрел на скрижаль демонической одержимости, открытую на «странице» с описанием всех разделов скрижали. Поразительно – я прочёл их все, окинув лишь одним взглядом!

«Ясность Мышления» произвела и другой интересный эффект: я стал слышать многочисленные Голоса. Все они звучали как мой Внутренний Голос, но обращались не ко мне, а будто бы друг к другу. И озвучивали они то, что я осмысливал.

За секунду я сориентировался в сложнейшей скрижали профессионального целителя. Даже непонятные иероглифы не мешали мне, я их просто запоминал.

Я погрузился в чтение скрижали, хотя чтением это сложно назвать, я просто промахивал страницы и разделы, поглощая иероглифы и какие-то рисунки. Непосредственно до моего сознания мало что доходило. В одних рисунках я узнал изображение человеческого мозга и спинного мозга. В других – схемы соединения узоров, подписанные неизвестными иероглифами. Только уловил название, что это были гроздья озарений, необходимые «для разделения безумствующей сущ-

ности».

А вот в разделе «Известные случаи демонической одержимости» всё оказалось понятно. Там содержались описания и имена тех, кто, как считали целители, подверглись демонической одержимости. Таких людей на удивление оказалось много, семь тысяч с мелочью.

Конечно, это не значило, что все семь тысяч были попаданцами в тела, как и я. К тому же это число охватывало весь период наблюдений, то есть десятки поколений дивианцев. Так что и не так уж много. И все они давно умерли.

Так же моё сознание легко ухватило один интересный факт: целители Ронгоа не всегда докладывали о демонической одержимости хворых. Охваченные демонами спокойно жили дальше. Стражники не хватали их и не тянул в Прямой Путь. И никто не скидывал их в грязь, чем угрожала мне мама Самирана. Об их одержимости попросту никто не узнавал.

Обычно эти хворые принадлежали к богатым и славным родам, которые откупались от Ронгоа. Соккрытие фактов демонической одержимости богатых пациентов стало одной из статей доходов рода Ронгоа!

Серьёзный компромат на славных целителей. Я не знаю, можно ли притянуть их за это в Прямой Путь и выиграть во время сличения Обвинения и Правды, но подмочить репутацию – однозначно можно. Если присовокупить к этой информации мой компромат на читеров из рода Кохуру, кото-

рые через грязное колдовство прокачивали Моральное Право, то можно...

У меня в голове промелькнул план интриг, которыми я мог взять за яйца два славных дивианских рода! Блестящий и, несомненно, действенный план проговорил один из моих Внутренних Голосов, но тут же пропал под наслоениями новой информации от других Голосов. Это моментальное хитроумие было ещё одним эффектом «Ясности Мышления». Оно исчезнет после завершения озарения.

А Внутренние Голоса продолжали галдеть, слегка затихая, когда я «дочитывал» страницу и вспыхивали с новой силой, когда я открывал следующую. Я едва успевал понять, что я вообще прочитал?

Но некоторые вещи отчётливо впечатывались в сознание. Например, согласно мнению Каро Ронгоа, захватывающие ум демоны бывали трёх видов.

Первые вселялись в тело жителя Дивии и полностью вытесняли прежнюю личность, заменяя её своей «демонической натурой». Такие жители могли дальше жить, проявляя свою новую натуру лишь странными словами и поступками. Каро Ронгоа был уверен, что такие демоны безвредны, и более того, часто были вовсе не демонами, а некоей «природной дурью, рождавшейся в глубинах испорченной души злых людей». А такое нужно лечить не озарениями, а воспитанием и образованием.

Второй вид демонов не заменял личность, а смешивался с

нею. Такие жители выдавали себя безумным буйством и тягой к собственной смерти или убийству других. Именно этих демонов рекомендовалось сразу кидать в грязь, а не подвергать сличению Обвинения и Правды. Ибо, считал Каро Ронгоа, Прямой Путь судит прирождённых жителей, а охваченные «помешанными демонами» уже не могли считаться полноценными жителями тверди.

Третий вид «вселяющихся демонов» – самый редкий. Они вселялись в людей во время благоволения. Каро Ронгоа даже верил, что такие случаи нельзя назвать «демонической одержимостью», ибо дары создателей не могут быть чем-то плохим. Наказание или благоволение – всё воля Создателей.

Описание третьего вида завершалось такой строчкой:

ОТКРЫТЬ ИМЕНА ОДЕРЖИМЫХ БЛАГОВОЛЬНЫМИ ДЕМОНАМИ Я НЕ МОГУ, ИБО СИЛА ИХ ТАКОВА, ЧТО Я МОМЕНТАЛЬНО ЗАБЫЛ КТО ОНИ И КАКОВО ИХ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

НЕЛЬЗЯ ДАЖЕ НАЗВАТЬ ИХ ХВОРЫМИ, ПОТОМУ КАК ХВОРЬ СΙΑ – ДАР СОЗДАТЕЛЕЙ.

Каро Ронгоа сокрыл имена этих пациентов даже от членов своего сословия и рода!

Сразу предположил, что я – именно третий вид. Денис Лавров попал в тело Самирана во время благоволения, искажённого вмешательством грязного колдовства.

Но это подозрение требовалось подтвердить. В скрижали имелся подробный раздел под названием:

СПОСОБЫ РАЗДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТЕЙ ДЕМОНОВ.

Хвораго подвергали воздействию несколькими гроздьями озарений, чьи названия были мне совершенно незнакомы, а некоторые вообще набраны неизвестными иероглифами. Хотя мелькнули уже знакомые «Чтение Путей» и «Перенос Образа», которые не относились к целительским.

Эти воздействия гроздьями в «одном случае из множества» могли изгнать демоническую сущность и вернуть прежнюю душу на место.

Исходя из того, каким видом демона охвачен хворый, и следовало строить исцеление. Каро Ронгоа уверял, что он лично смог освободить от демонов нескольких хворых, которые вернулись к обычной жизни. Избегнув падения в грязь, бывшие хворые всю жизнь платили Каро Ронгоа за своё исцеление.

Откуда приходили демоны и как они выбирали, в кого вселиться, тоже было частью целительской дискуссии.

Одни считали, что демоны забирали души слабых людей, сошедших с Всеобщего Пути. Другие полагали, что одержимость сродни болезням, которые порождают мелкие зверушки, живущие в низких царствах. Соответственно, заболевшие не виноваты ни в чём, кроме того, что подхватили эту

хворь от низких. Точно так же как подхватывают от них чуму или многочисленные лихорадки. Поэтому необходимо блюсти чистоту в обращении с низкими, ибо всем известно, что грязь мечтает жить на летающей тверди. Эта грязная зависть порождает демонические миазмы из болезнетворных зверьков, нападающих на прирождённых жителей.

Были и те, кто считал, что демонов засылают на Дивию грязные колдуны. Но Каро Ронгоа заметил, что в это сложно поверить, ибо грязные колдуны не способны на такое, так как тупы, невежественны и вообще – грязь.

На этом записи заканчивались.

А у меня оставалось что-то около двух часов, чтобы добраться до своего дома в Восьмом Кольце и передать все знания Мадхури Саран. Я не знал, как пройдёт передача знаний, но мама Самирана заверила, что это не моя забота.

И сегодня же мы должны провести нужный обряд для исцеления от демонической одержимости.

Правда, теперь я совершенно не хотел исцеляться.

«Ясность Мышления» оказалась одним из тех неприятных озарений, который отнимали толщину Линий на всё время своей работы. Впрочем, у меня было ещё достаточно толщины, чтобы выпорхнуть из дворца Каро Ронгоа, пролететь над охранником и спрятаться в кустах.

Благодаря циферкам я мог точно рассчитать время, остав-

шея до конца действия озарения. Так же легко прикинул, сколько мне понадобится времени, чтобы добраться до Мадхури Саран.

Вроде лёгкая задача, но... Внутренние Голоса, порождённые «Ясностью Мышления», продолжали галдеть. Лишившись работы по чтению скрижали, они начали работать как бы на усиление всех моих мыслей. Любое глупое воспоминание или мимолётная мысль тысячекратно усиливались и размножались вариантами в моей голове. И каждое такое эхо мыслей породило своё эхо, тысячекратно размножившееся...

Пока я летел, мой взгляд упал на доску игры «Двенадцать Озарений», которая лежала рядом с охранником. В моей памяти моментально возникла вся теория игры. Я вдруг полностью понял не только её смысл, но и даже некоторые выигрышные стратегии.

И это нестерпимое знание жгло меня изнутри. А тысячи голосов кинулись объяснять мне все разветвления всех игровых вариантов, которые я когда-либо видел. Но этим они не ограничились. Разбившись на пары, начали плодить и множить свои собственные варианты.

Мадхури Саран предупреждала, что без нагрузки на мозг «Ясность Мышления» начнёт цепляться мыслями за каждую мелочь и ерунду. Поэтому сие озарение использовали в основном для быстрой учёбы.

А Реоа Ронгоа предупредила, что у повышенной умствен-

ной деятельности будут свои побочные эффекты, которые я замечу не сразу. «Если у тебя вообще останется ум, чтобы замечать что-либо», – загадочно добавила она.

Голоса принялись дискутировать о той позиции в «Двенадцати Озарениях», когда на доске сталкиваются фигуры двух одинаковых предназначений с одинаковыми степенями одних и тех же озарений, и как эту позицию решать, на основе положения других фигур. Квадриллион вариантов, которые нужно продумать, отвлекли Голоса. Мне стало чуть легче.

Кое-как я долетел до кустов и рухнул с довольно большой высоты. Летать, находясь под воздействием «Ясности Мышления» было ещё той задачей...

Без увеличенной нагрузки, это озарение отупляло, а не помогало мыслить.

Спорившие над игровыми комбинациями Голоса так размножились, что мне показалось, что я бреду сквозь лес из этих версий и вариантов.

Миновав недостроенный дворец Реоа и её будущего мужа, я вывалился на площадь Целителей. Я будто стал фигурой из игры и начал двигаться по плиткам площади, а Голоса помогали мне высчитывать ходы, согласно всем возможным вариантам броска игровых граней, использующихся вместо игровых костей.

На половине пути к месту для приземления акрабов дороге мне перегородила Акана Ситт. Даже не перегородила, а каким-то непостижимым образом вывалилась из пустоты. С испуганным удивлением она отступила от меня:

– Почему... – но тут же поправилась: – О, привет, Самиран, какая неожиданная встреча!

Вопрос она не договорила, но я понял, что она попыталась применить ко мне свои обманы, чтобы скрыть своё присутствие, но они разбились о «Ясность Мышления».

– Что ты тут делаешь? – успела она спросить первой.

– Размышляю об игровых позициях «Двенадцати Озарений», – отозвался я. – А вот что ты тут делаешь – вопрос поважнее. И зачем пытаешься обмануть меня?

– Привычка, – с деланной улыбкой ответила она. – Оттачиваю свои озарения.

– Разве ты забыла, что я обещал убить тебя, если снова применишь ко мне эту гадость?

– Это угроза? – нахмурилась Акана. – Или вызов на поединок?

– Тогда была угрозой. Теперь...

Но договорить я не смог. На меня навалилась такая схема игры, что я даже пискнул от мыслительной натуги и чуть не упал.

Акана насмешливо сказала:

– Если не умеешь жить с «Ясностью Мышления», то зачем продолжаешь использовать? Развей озарение, пока не

рехнулся окончательно.

Я кое-как, по какой-то сложной траектории, обошёл Акану:

– Это моё дело. Когда захочу, тогда развею.

– До свидания, Самиран, – сказала Акана.

– Ага. Прощай. Но завтра я скажу Мадже, чтобы внесла порицание в твой знак воинской принадлежности.

– За что? За то, что мы случайно встретились?

Сформулировать ответ я не смог, так как Голоса перешли на обсуждение вариантов всех вариантов тех ста шести миллиардов и восемнадцати миллионов подвариантов игры, которые уже прозвучали.

Когда я добрался до места приземления, то не сразу сообразил, что мне, собственно, тут надо? «Ясность Мышления» затуманила сознание, как тяжёлый наркотик. Погонщик акраба несколько раз спросил меня: «Куда летим, молодой господин?»

Смысл его вопроса еле пробился сквозь лес смыслов игровых комбинаций. Я сел на скамью и продолжил тупо смотреть по сторонам: всюду была игра.

Наконец выдавил:

– Восьмое Кольцо...

– Восьмое Кольцо большое, – ответил возница.

– Там дом...

– И домов там много, да.

– Я живу там.

– Все где-то живут, молодой господин. Поточнее бы.

Я не смог назвать точный адрес. Но мог бы перечислить все двенадцать выигрышных игровых стратегий за фигуру небесного воина. И все подварианты этих стратегий при всех комбинациях игровых граней. И равнялось это число двенадцати, возведённому в двенадцатую степень. То есть, Восемь триллионов девятьсот шестнадцать миллиардов сто миллионов...

Тут раздался писклявый голос Реоа Ронгоа:

– Подвинься, Самиран. Так и знала, что «Ясность Мышления» раздавит твой куцый ум.

Она села рядом и назвала точный адрес. Я с благодарностью склонился через борт акраба и меня начало страшно тошнить. Совсем как в тот раз, когда я впервые изучил узоры озарений. Я облевал весь позолоченный борт акраба.

– За это, молодой господин, придётся платить дважды, – заметил возница.

В ответ я промычал, и меня снова вырвало.

– Теперь уже трижды.

– Почему ты ещё не развеял «Ясность Мышления»? – тревожно спросила Реоа.

– Мне надо...

– Как бы тебе не сойти с ума. Такое бывает с глупцами.

– Двенадцать в двенадцатой степени, – ответил я.

– Что это значит?

– Я могу посчитать двенадцать в двенадцатой степени, – обречённо повторил я.

– Я не знаю, что такое «степень», Самиран. Это что-то из числовой науки? Я не сильна в ней.

– Самое страшное, Реоа, что я тоже не знаю, как считаются степени. Но могу посчитать. Даже в тринадцатой могу.

– Почему ты ещё не развеял озарение? – повторила Реоа. – Оно разрушает твой жалкий ум. Я могу погрузить тебя в «Облако Тьмы». Голоса «Ясности Мышления» заглохнут наполовину.

Я схватился за тощее плечико девушки:

– Нет, нет! Мне надо... Я должен донести свои знания.

Реоа сбросила мою руку с плеча:

– Я долго терпела твои выходки и давала вопросы на все твои ответы. Настало время отвечать и тебе. Я догадываюсь, зачем тебе знания Каро Ронгоа о демонических одержимостях.

– Раз догадываешься, то какой ещё ответ тебе нужен? О, Создатели... теперь я могу в четырнадцатой степени...

– Я требую, чтобы ты признался сам. После того, как ты использовал мою дружбу и... любовь... это меньшее, что ты должен сделать.

– Ты сейчас всё узнаешь. Главное, не трогай меня, дай достать знания до...

После этого меня обступила непроницаемая стена чисел,

я даже перестал понимать, в какую степень размножившиеся до бесконечности Голоса возвели несчастное число двенадцать на этот раз.

...

– ...как вы только согласились на это? – сказала Реоа кому-то. – Самиран теперь может навсегда остаться не в себе. Вы же мать...

– Помолчи, уважаемая госпожа, – ответила ей мама Самирана. – Сейчас мы вернём его в сознание.

Я открыл глаза.

Я сидел на полу в одной из комнат своего дома в Восьмом Кольце. Напротив меня стояло четыре скрижали на простых деревянных подставках.

– Уцелела ли твоя «Ясность Мышления»? – спросила мама Самирана и сопроводила вопрос ударом ладонью по моей щеке.

– Бить-то зачем? – спросил я. – Лучше дайте воды.

На меня обрушился поток ледяной воды. Это постарался старец Танэ Пахау, нависший надо мной с ведром:

– Так ты скорее в себя придёшь.

Я проверил озарение.

– Не развеялось.

– Тогда иди к скрижальям, – потребовала мама Самирана и дёрнула меня за руку.

Внутренние Голоса, отключившиеся вместе с моим сознанием, тоже начали пробуждаться. Я с ужасом чуял, как они множились и множились, начиная очередную какофонию. Назвать всё это «Ясностью Мышления» мог только кто-то с тяжёлым и очень чёрным чувством юмора.

Я подскочил к скрижали:

– Что дальше?

Мама Самирана вложила в мою ладонь кристалл. Во Внутреннем Взоре высветилось, что это яркий «Перенос Образа» на одно использование.

Несмотря на моё слабое состояние, все Линии в порядке. Я пустил кристалл по Линиям – шестьдесят четыре паутинки Духа и тридцать две паутинки Тела.

Кристалл рассыпался и исчез.

– Теперь вызови «Отталкивание Вещества», – приказала мама Самирана. – И переноси в камень этих пустых скрижалей весь тот опыт, который ты взял из скрижали рода Ронгоа.

– Не взял, а украл, – поправила Реоа Ронгоа.

– Но я никогда так не делал, вдруг...

– Ты теряешь время! – крикнула мама Самирана. – Тут не надо ничего уметь. Просто переноси образы на скрижали в том же порядке, в котором ты их читал.

Я послушно провёл по каменной поверхности. Под моими ладонями выросли иероглифы и рисунки, увиденные ранее. Даже те иероглифы, значение которых я не знал, скопировались без задержек.

Самое радостное то, что Голоса начали уходить вместе с новыми страницами скрижали, словно выгружались на каменную поверхность и превращались в иероглифы.

Выгрузка опыта заняла больше времени, чем поглощение. К концу этого занятия, моя рука одеревенела и нестерпимо болела. Но я мужественно водил ладонью над скрижалями, заполняя их ворованными знаниями.

Процесс переноса не требовал концентрации, поэтому я мог разговаривать с присутствующими. Впрочем, общалась со мной только Реоа. Мама Самирана увлечённо читала скрижали, а Танэ Пахау куда-то ушёл. Сказал, что услышал какой-то подозрительный шум на крыше, где хранились мои дрова: «Как бы гнусные соседи не повадились воровать наши поленья».

Первым делом я поинтересовался, почему я взял опыт из одной скрижали, а передавать его нужно аж на четыре?

– Есть у тебя ответ, Реоа?

– Конечно. Во-первых, ты не взял опыт, а своровал. Помни об этом. Во-вторых, скрижали бывают разные. Одни могут хранить много опыта, другие меньше. Скрижали во дворце Каро Ронгоа – самые лучшие и дорогие. Их изготовили славные мастера из самых дорогих камней. Поэтому они вмещают в себя больше знаний и опыта, чем эти дешёвые плиты.

Ясненько. Скрижали отличались накопительной ёмкостью. Но как именно готовить обыкновенный с виду серый камень к тому, чтобы он стал накопителем информации, Реоа не знала.

– Для этого нужны тайные озарения сословия Созидающих Вещи. У них и спрашивай.

Реоа явно тяготилась произошедшим. Она могла смириться с тем, что секретная скрижаль её рода попала в мои руки, но не с тем, что сейчас её жадно читала женщина из менее славного и конкурирующего рода.

Надо бы мне как-то успокоить девушку, иначе она решит исправить свою ошибку. Не доведи Создатели, расскажет обо всём старшкам.

– Всё будет хорошо, Реоа. Госпожа Саран не будет использовать эти знания во вред твоему роду.

– О, – откликнулась Мадхури Саран, не отрываясь от чтения скрижали. – Род Ронгоа скрывал имена охваченных демонами! Но всем остальным родам сословия Возвращающих Здоровье приказывал докладывать о таких хворых в Прямой Путь. Удобно устроились...

Реоа прикусила нижнюю губу и выразительно посмотрела на меня.

– Ничего страшного, – опять успокоил я девушку. – Ведь я тоже как бы с демоном внутри. Ты будешь хранить это в тайне, а мы будем хранить в тайне делишки твоих старших.

– Не мели ерунды, Самиран, – ответила мама. – Мы ещё

не провели обряд разделения и не знаем, демон ты или просто заразился природной дурью. А вот нечестное обогащение рода Ронгоа заслуживает огласки.

Подбородок Реоа задрожал:

– Это вы нечестная! Я вас убью!

И положила руки на пояс, где висели кинжалы. В её способности убить Мадхури Саран я не сомневался. Я попытался загасить конфликт:

– Давайте, никто никого не убьёт. Предлагаю вам обменяться тайнами.

– Какими ещё тайнами? – нахмурилась Мадхури.

– Реоа, если госпожа Саран попытается использовать знания из этой скрижали во вред тебе и роду, то ты раскроешь тайну рождения...

– Не смей! – завизжала Мадхури и бросилась на меня с кулаками.

Но ей путь перегородила Реоа. Выхватив кинжал, сказала мне:

– Продолжай.

– Самиран, то есть я, не сын Похара Те-Танга. И это легко проверить, у меня даже не было других наследованных озарений, кроме целительских.

Реоа убрала кинжал и кивнула:

– Хорошая тайна. Если Те-Танга узнают об этом – конец мирному договору.

Владение тайной моего рождения успокоило Реоа. А вот

маму Самирана взбесило. Она бросила чтение скрижалей и быстро заходила по комнате, гневно отпинывая подушки.

Впрочем, ей не привыкать, пусть бесится. В другом состоянии я её редко видел.

Остановившись напротив Реоа, мама Самирана потребовала:

– Понимаешь ли ты, девочка, что в твоих руках благополучие моего рода?

– И рода Те-Танга тоже, – кивнула Реоа. – Понимаю.

– Дай мне слово, что никому не расскажешь, что узнала.

– Обещаю, что буду молчать до тех пор, пока вы не расскажете, что узнали из наших скрижалей.

Девушка и женщина даже шевельнули руками, намереваясь протянуть их для рукопожатия, но обе не остановились и передумали.

Мадхури Саран подошла ко мне, пнула попавшуюся под ноги подушку, будто это была моя голова, и сказала:

– Проведём уже этот дурацкий обряд.

9. Демонический обряд и польза игровой зависимости

Обряд определения демонической сущности вводил подозреваемого в состояние сна или комы с параллельной обработкой гроздьями озарений. По результатам будет ясно, демон я или нет.

Именно такой обряд Ронгоа совершали над подозреваемыми в демонизме, приведёнными стражей в Прямой Путь.

Некоторое время Мадхури читала Скрижали, то возвращаясь к одним узoram, то перелистывая на другие. Потом объявила:

– Обряд требует нескольких гроздей озарений, его нельзя провести в одиночку. Ронгоа собирались по четверо, чтобы провести его. В нашем распоряжении только двое целителей, даже если мы истощим Линии до предела, то всё равно можем умереть.

Тогда Танэ Пахау взял на себя роль того, кто будет поддерживать Мадхури и Реоа, питая их Линии с помощью озарения «Сопряжение Линий», позволяющее восполнить чужую толщину Линий Тела и Духа других за счёт своих.

Мадхури кивнула:

– И второе непреодолимое затруднение. Для проведения

обряда мне придётся усвоить скрытое озарение рода Ронгоа, но у меня не хватает свободных граней на яркую ступень. Придётся ограничиться заметной. В своих записях господин Каро Ронгоа предостерёг, что в таком случае гроздь получится неустойчивой и обряд оборвётся.

– Расходимся? – с надеждой спросил я. Мне отчего-то всё меньше и меньше хотелось подвергаться обряду.

– Нет, – пропищала Реоа. – Я усвою скрытое озарение, лишь бы оно не стало известно чужакам.

Далее мама Самирана рассказала, что озарений в гроздьях всё равно слишком много, нужно купить несколько ярких кристаллов настолько редких озарений, что они стоили огромных денег.

Впрочем, с деньгами затруднений не было. Мадхури при- тащила сундук со своими сбережениями, к ним я присоединил сундук своих. Должно хватить. Ещё и на шашлык останется.

Рынки работали круглосуточно, но не все торговцы были за прилавком. Тем более нельзя рассчитывать, что на месте будут торговцы редкими кристаллами, которые покупали раз в четверть поколения. Всё-таки Дивия – это не средневековая Европа, где поисками демонов занимались на ежедневной основе.

– Придётся ждать утра, – обескураженно сказала Мадхури.

– Летите на ветроломы, – предложил я. – Там можно ку-

пить всё и всегда.

– Какой позор, – замотала головой мама Самирана. – Я никогда там не покупала ничего. Там же живут бесславные...

– Нормальные там люди живут, – возразил я. – С вами полетит господин Пахау. Он вас защитит от бесславных.

Мама и старец быстро собрались. Танэ взвалил на плечи сундуки с золотом и заметил:

– В мои времена на ветроломах убивали людей за шкатулку золота. А тут – два сундука.

Они вышли. Я и Реоа остались вдвоём.

Воспользовавшись паузой, я сбежал в ванную комнату. Отмылся от пота, пыли и рвоты. Переоделся в чистое. И долго-долго трусливо сидел в бассейне, не решаясь выйти обратно к Реоа.

Поняв, что пауза затянулась, вышел обратно в комнату. Реоа сидела на матрасе и весь её вид сообщал мне: «Прячься, хоть не прячься всё равно придётся поговорить».

– Кхм, вот так ночка выдалась, да?

Я понимал, что мне нужно как-то оправдаться перед девушкой. Ведь «латентный» демонизм – серьёзное обвинение. Но Реоа это не волновало. Заговорила она совершенно о другом:

– Самиран, я только что потратила грани на яркое озарение, которое редко когда нужно. Но оно нужно было тебе...

– И я крайне благода...

– Да не перебивай ты меня! Я потратила свои свободные

границы на это скрытое озарение. Я больше не смогу развиваться. Отныне я владею только теми озарениями, которыми владею.

Я оценил масштаб её жертвы.

Вместо стройного набора нужных для славного целителя озарений, который поколениями культивировали её предки, Реоа обзавелась несочетаемыми огрызками, частью целительскими, частью боевыми, частью управляющими. Самый большой урон нанесло усваивание невыгодного с точки зрения целительского бизнеса яркого озарения, предназначенного для работы с демоническими одержимостями. В сочетании с другими озарениями оно бы могло принести пользу, но у Реоа не хватит на них граней.

С таким бессистемным набором её не возьмут в славные целители – на Дивии и без того высокая конкуренция.

На поле боя она не сможет исцелять так же полноценно, как Маур Ронгоа, который последовательно усваивал и улучшал только целительские озарения.

Карьера разведчицы тоже под вопросом. У воспитывавших её старших воинов был расчёт на то, что Реоа продолжит усваивать новые ступени боевых озарений, улучшит невидимость, освоит что-то ещё. Но теперь девушка навсегда застыла на уровне подручного.

По дивианским меркам Реоа разрушила свою карьеру ещё на старте. И всё из-за меня. Она никогда не займёт место среди старших, разве что Создатели, как это иногда бывает,

вдруг одарят её невиданно большим Моральным Правом.

– Понял? – с надрывом спросила она. – Я понятно объяснила?

– Реоа, я...

– Ты просто использовал меня, – вздохнула она. – Но дурак тут не ты, который это сделал, а я, которая допустила это.

– Я как-нибудь отплачу, – пылко сказал я. – Ты навсегда будешь в моём отряде. Будешь получать самое большое жалование. Больше моего. Я... я не знаю, что ещё тебе сделаю.

– Ах, – только ответила она.

Тогда я привлёк её за тонкую шею и поцеловал. Она попробовала отбиваться.

– Теперь-то чего дёргаешься?

– Я – Ронгоа, а ты – какой-то там Саран, – слабо сказала она.

– Ты же больше не станешь самой славной Ронгоа. Ты теперь спустилась с пьедестала. Присоединяйся к нам.

– К кому? – не поняла Реоа.

– К распутникам и распутницам. К тем, кто может свободно любить на Всеобщем Пути, не озираясь на мнение рода.

Реоа слабо и неумело ответила на мои ласки:

– Но ведь ты даже не любишь меня.

– Любовь – это жертва. Нам достаточно твоей жертвы.

Я встал с матраса и приказал Слуге выйти из дома и ждать у ворот, дабы предупредить возвращение Танэ и Мадхури. Потом вернулся к матрасу и упал рядом с Реоа.

Она отодвинулась, даже испуганно подобрала полы длинного халата, будто боялась намочить его.

– Что... что ты делаешь, – робко поинтересовалась она.

– Таков Путь, – убедительно сказал я и привлёк девушку к себе.

Мама Самирана и Танэ Пахау вернулись, а мы уже сидели порознь друг от друга. Слуга сворачивал испачканный кровью матрас. Реоа оказалась девственницей. Что, впрочем, не удивительно.

Хотя я был доволен собой, но не смог не спросить:

– Тебе понравилось?

– Нет. Не знаю... А как... надо?

– В первый раз всегда непонятно. Потом будет лучше.

Реоа зыркнула на меня, опустила взор и с безразличием ответила:

– Потом так потом.

Во дворе дома раздался шорох шагов, в залу вошли Танэ Пахау и Мадхури Саран.

Вместо сундуков с золотом оба несли по большой деревянной коробке с крышкой на металлической застёжке. На голове Мадхури красовался головной убор, похожий на плохо намотанную чалму. Я даже ухмыльнулся, решив, что красавица-мама не удержалась и купила себе какую-то модную обновку.

Мама Самирана сразу же усталилась на Реоа, словно всё поняла. В глазах мелькнуло что-то вроде сожаления и сочувствия. Меня это оскорбило, можно подумать, я подверг Реоа чему-то плохому и унижительному. Она ведь сама этого давно хотела!

Танэ Пахау с грохотом поставил свой короб на пол:
– Ограбить нас не ограбили, но всё равно будто ограбили. В мои времена всё было дешевле. Какое-то «Облако Тьмы» – десять тысяч! «Сопряжение Линий» – двадцать! Грабители, грязь им в глаза, а не торговцы.

Вернулся Слуга и внёс шкатулки с едой. Мы расселись и начали есть. Забавно, что и Реоа и Мадхури одинаково морщились от нашей простецкой и грубой еды: жаренной манги, зернистого хлеба и кусков жилистой вареной буйволятины. Целительницы привыкли питаться цветами. Даже когда мы жили во дворце Ач-Чи, Реоа не ела мяса, хотя низкие готовили его лучше, чем высшие.

После еды мама Самирана приказала Слуге вынести из залы все подстилки, подушки и скрижали. Остался лишь один матрас в центре. Потом она и Реоа раскрыли коробки и вытащили много шкатулок: деревянных, железных и плетённых. Все шкатулки расставили вокруг матраса в особом порядке.

У женщины и девушки разгорелась дискуссия о том, в какой последовательности применять кристаллы и кому Танэ Пахау должен помогать в первую очередь.

Когда с этим разобрались, мама Самирана и Реоа схлест-

нулись в новом споре о том, нужно ли погружать меня в сон. Мама настаивала, что это обязательно, тогда как Реоа убеждала, что нет, потому что обряд может пойти неправильно, и я должен реагировать на их обращение ко мне.

Пришлось вмешаться. Заявил, что спать я не намерен, хотя, если честно, очень хотелось. После «Ясности Мышления» и любви с Реоа я был измотан.

Тогда их спор перекинулся на то, с какой очерёдностью пускать кристаллы по Линиям. Точнее спор был о том, кто задаст эту очерёдность. Реоа напирала, что командовать обрядом должна она, так как она из славного рода, который вообще придумал эти гроздя озарений. Мадхури настаивала, что это должна быть она. Пусть род Ронгоа славный и всё такое, но она намного опытнее Реоа и лучше знает, как обращаться с Линиями.

Я же понял, что этого противостояния можно было бы избежать, если бы у каждого толщина Линий обозначалась как у меня цифрами, тогда бы всё решилось простой математикой. Но дивианцы привыкли пользоваться паутинками Линий на глаз.

Наконец, всё разрешилось. Роли и места были распределены. Я лёг на матрас в центре зала.

– Начинаем, – объявила Мадхури и развязала переднюю часть своего нового тюрбана, на её лицо опустилась непроницаемая вуаль.

Сначала я не понял, зачем это? Но догадался, что перед

обрядом мама Самирана должна развеять озарение «Молодой Образ», которое отбирало у неё толщину Линий. При этом стыдилась показать своё немолодое лицо.

Реоа достала из шкатулки с надписью «ПУСТАЯ ИГРА СВЕТА» кристалл и положила передо мной. Ранее мне сказали, что результат обряда мы каким-то образом увидим из «Игры Света».

Пока шли последние приготовления, я вспомнил, что именно считалось в Дивии демонизмом, и почему за одни виды одержимости убивали, а другие просто лечили.

Считалось, что есть демоны, которые меняли поведение заболевшего, превращая его в неадекватного дурачка. Ещё это называли «природной дурью». Как я понял, то были психические расстройства, типа шизофрении, которые частично поддавались излечению озарениями, чем и промышляли целители из рода Ронгоа. Если хворый не исцелялся, то за природную дурь всё равно не убивали, а ссылали на ветроломы.

Жестокость по отношению к психически нестабильным людям можно понять: шизики опасны для окружающих, владеющие магией шизики – опаснее в сто раз больше.

Но были демоны, которые как бы настоящие демоны. Считалось, что они вселяются в дивианцев по злему умыслу грязных колдунов. Поражённые этим видом демонической одержимости начинали говорить на неизвестных языках, не узнавали родных и друзей, переставали понимать, что они на

Дивии, даже удивлялись ей, будто видели впервые в жизни.

После вспышки безумия демоны пытались скрыть свою сущность и вести жизнь обычного дивиянца, хотя и являлись посланниками грязных колдунов. Именно для выявления таких опасных демонов и применяли обряд определения демонической сущности.

Мама Самирана заверила, что я не умру во время обряда, хотя ко мне будут последовательно применены «Ослабление Тела», «Ослабление Духа» и несколько других потенциально смертельных озарений. Реоа подтвердила её слова, добавив: «Я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось».

Было кое-что ещё, что не вызывало у меня доверия: мама Самирана ни разу не заикнулась о том, что хочет вернуть душу сына обратно в тело. Хотя это было главным условием нашей сделки. Раньше она говорила, что ничего не знает об обряде, который провели воры граней. Теперь её молчание означало, что она кое-что узнала. Но не хотела со мною делиться.

Лёжа на матрасе, я следил за Мадхури Саран. Что если она не просто узнала, как можно вернуть моё сознание в тело Дениса Лаврова, но и сделает это прямо сейчас? Мои познания в магии Двенадцати Тысяч Граней говорили, что такое невозможно. Ведь воры граней не даром проводили это таинство в комнате для благоволений храма. Без участия Создателей обмен душами не состоится.

Наверное.

Я надеюсь...

Становиться снова Денисом Лавровым мне однозначно не хотелось.

– Светлая госпожа... – обратился я к Мадхури, но меня окутала непроницаемая чернота «Облака Тьмы», вынудив замолчать.

Обряд начался.

Какое-то время я ощущал, что со мной происходит нечто непохожее ни на получение благоволения, ни на обычное нахождение в «Облаке Тьмы».

Потом я резко снова ощутил своё тело, сдавленное многочисленными ослаблениями и подавлениями. Перед глазами заплескали ослепительные пятна, а в ушах зашумело, как при засыпании.

Всё-таки кто-то применил «Наведение Сна».

Я сидел на табуретке в тесной кухне екатеринбургской хрущёвки. Это квартира моих родителей! В ней протекло моё детство и юность.

И... Я снова говорю о себе, как о Денисе Лаврове, а не Самиране Саран?

Я поглядел вниз и перепугался – увидел на ногах широкие джинсы с нашивками каких-то позабытых рэперских исполнителей. Я такие носил в... тринадцать лет?

– Ты встал на неверный Путь, – сообщил строгий мужской

голос.

Я поднял голову. Движения моего тела замедленные, словно я преодолевал удвоенное воздействие гравитации.

Передо мной сидела та самая тётка из пророческого сна, который я увидел после второго благоволения. Я уже знал, что она мать Дениса Лаврова, моя мать, но не мог найти в себе ни капли любви к ней. Я смотрел на неё глазами Самирана! Что же это такое...

– Очень скользкий Путь, – добавил строгий голос. – Вернись, пока не поздно. Не расстраивай старших.

Тут я различил, что за спиной матери стоял какой-то мужик в смешном плоском головном уборе и нелепой обтягивающей одежде.

Теперь и память моя словно бы преодолевала гравитацию забывчивости.

Я с усилием вспомнил, что странный головной убор называется «фуражка». А нелепая одежда – полицейская форма.

Это же участковый полицейский, который... который привёл меня из участка, когда меня поймали за воровство еды в супермаркете. Точно. Это как раз было в мои тринадцать лет.

Чёрная коробочка на груди полицейского захрипела и заговорила женским голосом: «Кто на Хохрякова сейчас? Поступило заявление...»

Участковый выключил рацию и повернулся к моей маме: – Такие вот дела, гражданка Лаврова. На первый раз мы

простим пацана. Но предупреждаю, что компашка, с которой он спутался, не просто собьёт его с пути, а уже сбила. Сейчас всё от вас зависит, от взрослых.

Мама с испуганным уважением слушала мента и часто-часто кивала, поглядывая на меня с выражением, мол: «А ты слушай, слушай, что тебе говорят».

– У одного пацана из Денискиной компашки мы нашли пакетик с наркотиком. Такие маленькие, а уже... эх, что там говорить, сами всё знаете.

– Но мой сын не стал бы употреблять...

– Откуда вы знаете?

– Он обещал.

– Ага, а не воровать он тоже обещал?

– Обещаю, что я больше никогда так не поступлю! – сказал я.

– Я ему верю, – слабо ответила мама.

– Эх, – махнул рукою участковый. – Я вот в детстве книжку читал, «Денискины рассказы» называлась. Вот ваш Дениска так же и врёт. Но всё тайное становится явным.

– Что же делать? – упавшим голосом спросила мама.

– Всыпать вашему пацанёнку. Но детей бить нельзя. Не то, что раньше.

– У нас и не принято в семье бить, – согласилась мама.

– Батяня-то его где? – осведомился мент. – Бросил? Хе-хе, как это обычно бывает: вышел пять лет назад за сигаретами, да так и не вернулся?

Мама возмутилась:

– Василий Олегович, мой муж, в командировке. Он часто ездит по работе в Китай. Занимается поставками вентиляционного оборудования.

– Надо бы вам вдвоём поговорить с сынком вашим. А вообще, если хотите мой совет, купите пацану компьютер.

– К-компьютер? – удивилась мама неожиданному повороту беседы.

– Или приставку игровую. Есть у него?

– Нет. Мы наоборот хотим, чтобы ребёнок не тратил время на эту дребедень.

– Это вы зря.

– Но как компьютер поможет избежать плохой компании, которая у нас прямо во дворе под окнами? Быть может, это милиция должна их...

– Я вам так скажу: по негласной статистике те подростки, которые просиживают весь критический возраст за видеоиграми, реже попадают в тюрьму или подсаживаются на наркотики.

– Но игры, я слышала, вредны?

– Очень, – согласился мент. – Но героин всё же вреднее.

Слушая этот разговор, я поражался. Именно об этом и говорили много лет назад на этой кухне! А я так же сидел и слушал, желая, чтобы всё поскорее закончилось.

Мне было непонятно, почему мама волновалась. Никакие наркотики я не собирался употреблять. И никто в на-

шей компании не употреблял. А пакетик с веществом один парень утащил у старшего брата, чтобы повыпендриваться перед нами. Вот его брат действительно наркоманил. Но ни один из нас не рискнул нюхнуть, хотя все подзадоривали друг друга.

С годами детали беседы выветрились из памяти. Я помнил лишь, что был участковый и был разговор с ним и мамой. Потом ещё один, когда отец срочно вернулся из командировки. А потом мне купили и приставку, и компьютер, и даже бэушную PSP. Так родители отвಾದили меня от воображаемого ими героина и пересадили на настоящий наркотик игровой зависимости, который я прилежно употреблял всю последующую жизнь.

Но теперь в этом загадочном видении всё всплыло с невероятной точностью. Не как воспоминание, но как непосредственное переживание.

А потом стало ещё загадочнее.

В прихожей слышалось шуршание ткани, старческое покашливание и тихие шаги. И мама, и мент замолчали и повернули головы в сторону входа.

В кухню вошёл... Гуро Каалман. Полы его учительской робы тянулись по полу и шуршали.

– Сразу видно, что мы все тут друзья, – продребезжал Гуро Каалман. – Вы уже пообедали?

– Никак нет, самый старший светлый господин Правитель, – ответил ему мент.

Гуро Каалман оглядел наш кухонный столик и покачал трясущейся головой:

– Я надеялся, что сегодня у нас будут жареные в масле побеги ман-ги. Живущие в достатке дивианцы воротят от неё лики свои. Но ман-га произрастает из чрева Дивии. Она – корень. Наш корень.

Я оправился от удивления:

– Светлый господин Каалман, это вы?

– Ты, парень, всё-таки болван, – сказал мне участковый. – Ну откуда в Екате взяться Безумному Гуро из летающего города?

– К тому же Дивия непременно упадёт, – закивала мама Дениса Лаврова.

Старик посмотрел на меня, покачал головой и вздохнул:

– Ты ещё не готов знать, где я и где ты. Или любую другую правду из всего множества правд. Узнаешь во время обеда. Или не узнаешь никогда.

– Ты, Дениска, лучше подумай о том, как тебе не встать на скользкую путь-дорожку, – сказал мент. – Понял? Ну-ка, скажи, что тебе всё «ясненько».

– Ясненько.

После этих слов, кухня и люди исчезли.

Я снова остался наедине с пустотой. Открыл глаза.

10. Итог и подлог

Я боялся, что очнусь в мире Дениса Лаврова. К счастью, мир остался прежним – комната в моём доме на Восьмом Кольце.

Мама Самирана и Реоа валялись на полу, словно сражённые отравленными стрелами. Между ними разбросаны пустые шкатулки.

Танэ Пахау сидел у стены на корточках и громко дышал, утирая пот.

Мама Самирана приподнялась на локте и слабо позвала Слугу. Тот вбежал в комнату, держа рулоны матрасов. Раскатал их рядом с женщинами. Они переползли на них.

Я тоже поднялся и сел. Линии мои истощены недавними ослаблениями и подавлениями. Внутренний Взор разваливался и мельтешил, как от воздействия «Обмана Взора».

Видение кухни ещё дрожало в моих воспоминаниях.

– Ну, и кто я?

– Сейчас выясним, – отозвалась Реоа. – Осталось последнее.

Она хотела встать и поднять кристалл «Игры Света», в котором заключён мой приговор, но пискнула и без сил упала обратно на матрас.

К кристаллу как-то слишком проворно подбежал Танэ Па-

хау:

– Позвольте мне, – сказал он и, взмахнув широкими рукавами своего халата, поднял кристалл.

– Дайте сюда, – потребовала мама Самирана.

Танэ Пахау отдал кристалл. Мама Самирана жадно схватила его и скорее пустила по Линии.

От меня отделилось неясное синеватое облачко «Игры Света». Зависнув в центре залы, начало менять свои очертания.

– Что это?

– Сущность демона, – почему-то шепнула Реоа. – «Игра Света» показывает очертания его истинного тела. Если это будет...

Реоа не продолжила, будто испугалась.

– Что будет?

– Ну... если это будет низкий колдун, приславший тебя на Дивию, то мы... то я... должны будем и обязаны...

– Сдать меня в Прямой Путь?

Реоа не ответила. Но я не стал говорить, что навряд ли «Игра Света» примет форму грязного колдуна. Реоа ещё не знала, кто я и откуда. То-то она удивится, увидев бочкообразную фигуру молодого, но уже лысеющего Дениса Лаврова.

Облачко продолжало неуверенно формироваться, словно испытывало наше терпение.

Над нашей головой раздался отчётливый стук и что-то по-

хожее на сдавленный стон.

– Да что же это такое? – воскликнул Танэ Пахау. – Опять какой-то шум на крыше.

Он тяжело поднялся с места и вышел. За окном мелькнул синий свет фонаря и раздался голос старика:

– Вот поймаю, не обижайся, коли размажу «Порывом Ветра».

Танэ Пахау вернулся к нам и пояснил:

– Подозреваю, что подлец-сосед всё же ворует наши дрова!

Я махнул рукой, мол, до дров ли сейчас? Тут, блин, моя демоническая сущность проявляется!

Тем временем облачко приняло очертания человека. Быстро формировались детали: пальцы, губы, лицо. Мама Самирана тихонько вскрикнула. Неясно, то ли от радости, то ли от неожиданности.

Реоа радостно пожала мою руку:

– Это же ты, Самиран. Ты не демон! Ты как все прирождённые жители! И зачем тебе вообще этот обряд нужен был?

Я недоверчиво смотрел на замершую в центре залы призрачную фигуру Самирана Саран. А Реоа сбивчиво поясняла, что если провести обряд над здоровым, неодолимым человеком, то «Игра Света» покажет его таким, какой он есть.

Мама Самирана подошла ко мне и коснулась моего лица:

– Самиран... сыночек мой... Это ты! Ты! А я чуть было не...

Она не стала продолжать, что чуть не убила меня.

Перевозбуждённая от событий Реоа продолжала тараторить и бибикать:

– Почему вы грустны, госпожа? Обряд показал, что в Самиране нет демона. Его сущность совпадает с телом. Всё же хорошо. Всё хорошо, хорошо, хорошо.

Голос Реоа дрогнул, будто она собиралась разреветься.

Повторяя: «Всё хорошо, хорошо же? Хорошо...» – Реоа вышла из дома.

Надо бы пойти за ней, успокоить. Ведь она думала, что помогла мне провести важный обряд. Думала, что её жертва поможет мне бороться с одержимостью. И вот выяснилось, что жертвовать вообще не имело смысла.

Но я и сам был потрясён итогом: обряд показал, что я вообще не демон из иного мира, не какой-то там Денис Лавров, учитель истории из будущего, который якобы увидел руины Дивии глубоко под землёй. Я – настоящий сын Мадхури Саран.

Только чокнутый.

Очень сильно чокнутый.

Это же... как это возможно?

Получается, Дениса Лаврова никогда не существовало? Вся его жизнь, все его мечты, надежды и стремления – миф.

Не было ни девушки-парапланеристки, ни группы Hollywood Undead, ни шашлыков и стейков, ни родителей в

квартире города Екатеринбург? Как и не было ни той страны, ни того мира, из которого Денис Лавров якобы пришёл.

– Сынок, – сказала Мадхури и много-много раз погладила меня по щеке, будто хотела добыть из неё огонь. – Сыночек...

Но мне не было дела до её чувств. Я не мог поверить, что я – это выдуманная личность шизанувшегося пацана.

– Мы вылечим тебя, сыночек, – продолжала тереть мою щёку мама Самирана. – Теперь-то мы знаем, что Ронгоа надёжно лечат природную дурь. Я упаду к ним в ноги, стану их челядинкой, лишь бы они вылечили тебя.

Я стоял, как оглушённый «Ударом Грома». Пытался принять правду: я психически нездоровый волшебник из летающего города.

Не отпуская моей руки, мама повела меня к выходу:

– Теперь мы снова будем вместе. Мы снова будем жить втроём мирно, как раньше. Отец примет тебя. Мы тебя вылечим, сыночек. Забудем твои ошибки, ибо они последствия демонической болезни. Идём со мной.

Я покорно пошёл за нею.

Раз я и в самом деле свихнувшийся Самиран, то она права: вся моя жизнь, весь этот Путь воина, – это всё ошибка. Последствия безумия.

Неплохие, правда, последствия. Воображая себя Денисом Лавровым, Самиран добился в жизни уже больше, чем многие взрослые...

Выход перегородил Танэ Пахау:

– Попрощайся с родительницей, Самиран, и ложись спать.

Завтра тебе надо решить, что делать с дровами.

– Д-дрова?

– Этак подлец-сосед их перетаскает. И ты не сможешь жарить машлык.

Узнав, что я – это выдумка Самирана, я будто потерял силу воли. Послушавшись Танэ Пахау, остановился, но мама Самирана продолжала тащить меня к выходу, повторяя: «Теперь мы снова вместе, никуда, никуда тебя не отпущу».

– Уважаемая, время вышло и вам пора уходить, – сказал Танэ Пахау.

– Я и ухожу. И забираю сына.

– Дом Самирана здесь. Вы одна уходите, пожалуйста.

– Да, мам, – слабо ответил я. – Я лучше тут.

– Но зачем, сыночек? Ты же понял, что все твои воспоминания о другом человеке – болезнь ума?

– Да, мам, болезнь, но я...

– Прошу вас, уважаемая, – указал Танэ Пахау на выход. – Нам пора спать. Самиран воин, а если он не выспится, то не сможет хорошо использовать озарения. Его начальники будут недовольны. Быть может, вы не знали, но Самиран из рода Саран получил от рода Патунга право стать первым в отряде. Великая честь для юноши. Луна выстелила его Путь своим светом.

Скрюченными пальцами старец впился в мою руку и от-

лепил пальцы Мадхури Саран. Её взгляд полыхнул яростью, но старец как бы невзначай заметил:

– Я и сам своего рода воин. Когда-то я тоже служил славному воинскому роду.

Оценив угрозу, Мадхури отпустила мою руку и воззвала к моим чувствам:

– Сыночек, неужели этот дряхлый старик решает, идти тебе или остаться?

Я встрепнулся, собирая остатки воли. Даже если Самиран и выдумал себе новую личность по имени Денис Лавров, то эта личность намного успешнее прошлого Самирана, пусть и возникла она от болезни ума.

– Мой дом здесь, мама, – ответил я. – Я остаюсь.

Танэ Пахау снял со стены фонарь и грубо толкнул Мадхури Саран:

– Позвольте, уважаемая, я освещу вам Путь.

Мама Самирана не подчинилась. Пришлось её заверить, что обязательно навещу её, чтобы обсудить методы лечения моей природной дури и болезни ума.

Мадхури и Танэ вышли, а я в изнеможении рухнул на матрас.

Одно лишь хорошо во всём этом – если Кохуру потащат меня в Прямой Путь, то повторный обряд снова покажет, что я – Самиран из рода Саран, а не демон, порождённый грязным колдовством.

Спал я без сновидений и проснулся с тем ощущением, с каким лежал в Лесной Крепости, придавленный брёвнами.

До меня донеслись сварливые голоса.

– Да не нужны мне твои дрова, старый болван! – крикнул кто-то.

– Коли не нужны, то зачем ворует?

– Не воровал я ничего!

– Я всё слышал. Вчера ночью ты бродил по нашей крыше.

– Нигде я не бродил.

– Ты умыкнул несколько поленьев.

– Да пересчитай свои деревяшки.

– А вот и пересчитаю! Думаешь, не пересчитаю?

– Да ну тебя.

– Поглядите-ка, какой обиженный. Сам ворует дрова, а теперь обижается? Вот вызову небесную стражу, Прямой Путь разберётся.

– И вызывай, вызывай! – с надрывом ответил сосед.

– И вызову!

– Я сам вызову. За несправедливое обвинение тоже есть наказание.

– А вот пересчитаю, – голос Танэ Пахау переместился наверх, старец залез на крышу. – Прямо сейчас пересчитаю.

– Болван.

– Воришка.

Ссора утихла. Хотя я слышал, что сосед не ушёл, а стоял

у нашего забора и что-то бормотал. Танэ Пахау гремел на крыше дровами, реально пересчитывая их.

События вчерашней ночи не прошли бесследно: голова болела от «Ясности Мышления». Реоа предупреждала об этих последствиях.

Реоа! Бедняжка.

Мало того, что она вчера лишилась будущего, так я ещё успел переспать с ней. Чем я думал вообще вчера? Надо извиниться. Надо как-то загладить...

Мысли перескочили на главное: я – не Денис Лавров. И никогда им не был.

Я никакой не избранный, моё сознание не переносилось из будущего, чтобы предотвратить падение летающего города. Всё это – бред шизика. Дивия и впрямь парит вечно, и свет более не падёт в грязь. И даже те люди, которых обуяли демоны, были вовсе не попаданцами, а жертвами грязных колдунов.

Всё просто...

Просто, да не очень. Было неуютно осознавать, что я – ненормальный, и все мои мысли – это что-то вроде воспаления природной дури.

Головная боль усилилась.

Так, что там говорила Реоа? Нужно использовать кристалл...

«Изгнание Хвори» – напомнил Внутренний Голос.

Теперь понятно, почему Внутренний Голос не мог мне на-

помнить что-либо из жизни Дениса Лаврова. Её придумывал мой больной мозг. Тогда как Голос помнил всю жизнь Самирана, так как она и была реальностью. Единственной.

Я перевернулся на бок и подумал вот что: если Денис Лавров – это бред и болезнь, то откуда у Самирана двадцать четыре тысячи граней, а не двенадцать тысяч, как у всех?

Но тут же нашёл этому объяснение: всего лишь последствия грязного колдовства, которому воры граней из рода Кохуру меня подвергли. Ведь откуда мне знать, как проходит это колдовство? Быть может, увеличение граней и было желанным для воров результатом? Потом уже эти грани как-то перетекали в Моральное Право, которое воры граней присваивали.

– Голос, – попросил я. – Напомни, что сказал мне рыжебородый вор граней в едальне Третьего Кольца, куда меня привёл Раккир?

«Ты не мог забыть столь много из своей жизни, но при этом остаться вменяемым человеком. Ты должен стать безумцем».

Вот и объяснение. Самиран забыл свою прошлую жизнь, стал безумцем и придумал Дениса Лаврова. Моя судьба ничем не отличается от судеб тех несчастных детей, которые сошли с ума после грязного колдовства. Просто мне повезло, что я стал деятельным психом, а не тем, кто бессвязно лопочет и пускает слюни.

– Таков Путь, – промямлил я поднялся с матраса.

Порыскал в разбросанных по всей комнате шкатулках, но кристалла «Изгнания Хвори» не было. Там вообще не было никаких кристаллов, всё потратили на вчерашний обряд.

Я поплёлся в комнату с бассейном.

Вода в бассейне остыла, на полу блестели мокрые следы – Танэ Пахау уже вволю наплескался. Мне стало противно лезть в воду после старца. Я вернулся в зал и позвал Слугу. Вместо него прибежал Танэ Пахау.

– Уф, вчера мы едва избегли разоблачения, юноша, – выпалил он.

– О чём вы?

– Об обряде, о чём же ещё? Это знак, юноша, знак!

– Какой знак?

– Того, что нельзя пренебрегать предназначением, которое тебе определила Неведомая Воля.

– Чего вы несёте? Разве вы не видели, что показал кристалл «Игры Света»? Я просто душевнобольной. И вы тоже, раз поверили мне.

– Сядь, – рявкнул вдруг старец.

От неожиданности я и вправду сел на матрас, но тут же вскочил:

– Не орите на меня.

– Буду орать, раз ты такой дурачок и до сих пор ничего не понял.

– Я всё понял.

– Не понял.

За стеной пробубнил сосед:

«Этот старикашка рехнулся. На меня орёт, на молодого господина орёт. Скоро и на небо орать начнёт. Надо бы его отправить на ветроломы к другим немощным старикам».

Танэ Пахау выбежал за дверь и заверещал:

– А ты не подслушивай!

«Как тебя не подслушивать, коли ты кричишь на всю улицу?»

– Воришка.

«Слышали, молодой господин, – обратился ко мне невидимый сосед. – Старикашка бешеный вообще. Зайдите ко мне позже, я расскажу, где на Ветроломе Храбрых Слуг стоят особые дома, в которых живут такие старики и старушки. Им там хорошо, кричат друг на друга целый день, да возвращают кусты ман-ги. Тем и кормятся. Эти дома для престарелых содержит мой друг, совсем недорого».

– Спасибо, уважаемый, – крикнул я. – Подумаю над предложением.

Танэ Пахау отогнал соседа и вернулся.

Продолжил шёпотом:

– Надо нам, юноша, скорее купить всю землю вокруг, чтобы отдалиться от таких подлецов-соседей под боком. Или переехать в другое Кольцо.

В моём лбу вспыхнул особо сильный приступ боли. Я об-

хватил голову руками и простонал:

– Прекратите говорить так, будто всё как раньше. Я не послан спасать Дивию, я – Самиран Саран. Я вернусь к маме и буду лечиться. Живите тут один, мне не нужен этот дом.

– Сядь! – снова рывкнул Танэ Пахау. – И послушай. То есть – посмотри.

Он просуну руку под складки халата на своей груди и долго там рылся, будто искал блох. Вынул кристалл, в тот же момент появилось синее облачко, совсем как вчера, только оно быстро приняло форму человека.

Я узнал его. И бочкообразную фигуру, и косолапые ноги и начинающуюся лысину.

– Что это? Кто?

– Ты. Кто же ещё? – пожал плечами старец. – Демон по имени Дынь-Ыс Ловров.

– Но вчерашний кристалл...

Я вспомнил, как старец вчера поднял кристалл с полу. Рукава его халата на время скрыли...

– Вы его подменили? – вскричал я.

– Наконец-то дошло. Это – твоя демоническая сущность. Довольно несуразная, конечно. Даже жаль, что Реоа не увидела сей облик. Тогда бы безрассудную любовь невинной девочки к тебе унесло бы, как сухую ман-гу ветром.

Я смотрел на призрачную фигуру Дынь-Ыса и снова отказывался верить. То я демон, то не демон. Теперь вот снова демон. Да ещё и худший из всех возможных на Дивии.

Я попятился и упал на матрас.

– Вот и правильно, юноша, – закивал старец. – Посиди спокойно, подумай, нужно ли тебе воевать с Кохуру? Быть может, лучше заняться спасением Дивии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.